

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

Я ХОЧУ БЫТЬ ПОНЯТ МОЕЙ СТРАННОЙ

ВЛАДИМИР
АЯКОВСКИЙ

М

Р
РУССКИЕ В ГРУЗИИ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

Я ХОЧУ
БЫТЬ
МОЕЙ
СТРАНОЙ
ПОНЯТ

ВЛАДИМИР

АЯКОВСКИЙ

М

Тбилиси
2015

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку - в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье - «Грузины», ныне - Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой - в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские - опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель -

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта -

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ

© **Русский клуб**. 2015

ISBN 978-9941-0-8032-6

**Поедем, ребята, в Тифлис!
Это единственный город, мой город,
где не будет скандала, где любят новых поэтов
и умеют встречать гостей**

Владимир Маяковский

Для Владимира Маяковского Грузия - гораздо больше, чем просто место, откуда он родом. Это и якорь, и парус. И манок, и маяк. И островок, и вселенная. «Где тебе хорошо, там и отечество», - сказал один поэт. Другой добавил: «Где тебе хорошо, но и где от тебя хорошо». Для Маяковского Грузия всегда была отечеством.

НАШ

АЯКОВСКИЙ

М

Как-то радиокомитет пригласил Маяковского выступить в эфире.

«А много народу меня будет слушать?» - шутиливо спросил поэт.

«Весь мир», - ответил редактор.

«А мне больше и не надо», - сказал Маяковский.

«Разобраться в прошлом сложно, - писал Виктор Шкловский. - Но изменилось ведь и прошлое. Мы в долгу перед Владимиром Маяковским - щедрым, смелым, красивым человеком, человеком такого роста, что он мог бы шагать через стулья... Есть новые земли. Есть новые ритмы. Есть будущее, и оно не стирает нас, как стирают мокрой тряпкой меловую надпись с черной доски. И потом мы живем на Новой Земле, и несправедливы к ней».

Маяковский вот...

поищем ярче лица, -

Недостаточно поэт красив.

Крикну я

вот с этой

с нынешней страницы:

не листай страницы!

Воскреси!

Будем справедливы. Откликнемся на просьбу Поэта, еще при жизни призвавшего потомков к разговору - «как живой с живыми». Тем более, что для нас Маяковский - не только несравненный поэт, но и наш соотечественник, через всю свою жизнь

пронесший привязанность и признательность к своей малой-огромной родине - Грузии. А это уже тема. Особая тема.

Если иметь в виду широко расширенные особенности грузинского характера, которые давно приобрели легендарный (и уже какой-то надреальный) оттенок, а именно: широта жеста, размах, равнодушие к женской красоте, вкус к вину, остроумие, то Маяковский, конечно, грузин. Исключительно в его привычках было, например, уплатить парикмахеру за предельную сумму в 20 рублей; посылать любимой женщине дорожные телеграммы с интервалом в полчаса; 12 часов кряду играть на бильярде и с легкостью класть 8 шаров с кия; никогда не пить водки, но только хорошее вино и т.п. и т.п. (Однако в таком случае Пушкин, к примеру, тоже грузин). Хотя это можно назвать и иным словом - гусарство. Впрочем, не каждый гусар - поэт, и отнюдь не каждый поэт - гусар. Но, видимо, русский поэт - всегда чуть-чуть грузин.

Удивительная особенность мировосприятия Маяковского в том, что, будучи «поэтом грандиозностей», который «чуёт мировую толпу, чуёт тысячи народов» (К.Чуковский), поэт, у которого «счет всегда идет на миллионы» (Ю.Карачиевский), поэт, который обобщает (а значит, отчасти и нивелирует) «Парижи, Берлины и Вены», он всегда оставляет нетронутым, обособленным, почти субстанциальным одно-единственное место на Земле - Грузию.

Конечно, прежде всего, - это

▲ Родители поэта - В.К. Маяковский и А.А. Маяковская (Павленко). 1893 г.

чувство родины. По воспоминаниям П.И. Лавута, говоря о Багдади - земле своего детства, Маяковский добавлял: «До чего хорошо там!», а, приехав в Тифлис в 1927 году, с торжеством и гордостью хозяина объяснял: «Теперь вы понимаете, что такое Тифлис? Где, когда, у кого такое было?» Говорил он и так: «Грузию люблю как родину». И так: «Родившись и выросши среди грузин, я приобрел грузинский темперамент». И еще: «Кутаисец я, кутаисец!»

Будучи прилежным учеником, владея грузинским языком и не забывая его до конца жизни, Маяковский впитал в себя тематику, динамику, энергетический посыл грузинской литературы и, в первую очередь, ее

фольклора - шаири (грузинских народных частушек) и героев грузинского эпоса - богоборца Амирани (художественного двойника Прометея) и демонического Мурмана.

Кстати, Маяковский не раз удивлял своих друзей-грузинских поэтов тем, что мог не только процитировать и даже прочесть целиком стихотворения на грузинском языке, но и сымпровизировать.

Г.Леонидзе вспоминал: «Маяковский заговорил со мной по-грузински с кутаисским акцентом, пожаловался, что на улицах Тбилиси услышал исключительно мешанину из грузинских и русских слов. Он повторил мне запомнившуюся фразу: «Слесарс калесо цавуге гасакраскавадо» («Слесарю колесо отнес для покраски») и

добавил, что именно мы, грузинские поэты, должны бороться за чистоту грузинского языка». Справедливо заметил С.Чиковани: «Маяковский говорил о Грузии, как о чем-то очень близком, своем, кровном. Он действительно настолько своим чувствовал себя в Грузии, настолько своей ощущал и мыслил ее, что, безусловно, имел право говорить и писать без всяких оговорок обо всем и так, как он считал нужным».

**Я -
дедом казак,
другим -
сечевик,
а по рождению
грузин.**

Владимир Маяковский

Маяковские ведут свой род от вольных казаков Запорожской Сечи. Предок Маяковских Демьян был одним из предводителей запорожских отрядов, прапрадед Кирилл - полковым есаулом Черноморских войск, о чем есть запись в дворянской родословной книге 1820 года.

На Кавказе Маяковские появи-

▼ **Семья Маяковских с друзьями и родными. 1900 г.**

▲ Дом-музей В.В. Маяковского в Багдади

лись в середине XIX века, когда в Закавказье шли боевые действия, и в Грузию прибыли военные части. Среди офицеров значился и Константин Кириллович Маяковский - прадед поэта. Кстати, он был обладателем подорожной, дававшей ему беспрепятственный пропуск в различные города Российской империи. После войны он осел в Грузии, некоторое время жил в Сухуми, а сын его - Константин - переехал в Ахалцих, где служил делопроизводителем городского управления. Бабушка Володи Ефросинья Осиповна, урожденная Данилевская, приходилась двоюродной сестрой известному русскому и украинскому писателю Григорию Петровичу Данилевскому, автору исторических романов «Княжна Тараканова», «Мирович», «Сожженная

Москва». А родоначальником Данилевских был казак Данил, выходец из Подолии, основавший в конце XVII века на реке Донце слободу и фортецию для защиты от набегов кочевников. Перед Полтавской битвой у него останавливался Петр I и крестил внука.

В 1857 г. в семье Маяковских-Данилевских родился сын Владимир - отец будущего поэта.

В.К. Маяковский учился в Кутаисской гимназии, затем в Тбилиском реальном училище, но завершить образование не сумел (не хватило средств для оплаты обучения) и поступил на должность помощника лесничего в Александропольском лесничестве, в Армении. Обосновался в селе Никитино (в некоторых источниках - Никитенка). Однажды вместе со

▲ В.К. Маяковский с объездчиками лесничества. 1901 г.

своим старшим братом Михаилом, служившим в соседнем Лорийском лесничестве, он находился в местечке Джалалоглы. Там были расквартированы части русской армии. Владимир Константинович познакомился с семьей Алексея Ивановича Павленко, капитана Кубанского пехотного полка, участника двух турецких войн, удостоенного нескольких наград, в том числе Георгиевской медали «За службу и храбрость».

Вскоре Маяковский женился на «капитанской дочке» - Александре.

В Никитино у Маяковских родились дочь Людмила и сыновья Александр и Константин. Оба мальчика умерли очень рано.

В 1889 г. Владимир Константинович был переведен с повышением в Багдади. Через год у Маяковских ро-

▲ Володя с сестрой Олей. 1896 г.

дилась дочь Ольга, а в 1893 году, 19 июля - сын Владимир. Маяковскому-старшему в этот день исполнилось 36 лет.

По воспоминаниям Л.В. Маяковской, сестры поэта, отец был «высокий, широкоплечий, с подвижным, выразительным лицом. Огромный грудной бас, который передался Володе. Движения быстрые, решительные. Веселый, приветливый, впечатлительный. Настроения сменялись часто и резко». О матери она рассказывала так: «С хрупкой комплекцией мамы так странно не вяжется огромная воля и выдержка. Своим характером и внутренним тактом мама нейтрализовывала вспыльчивость, горячность отца». «Владимира Константиновича уважали, - пишет Ал. Михайлов в книге «Маяковский». - Этот высокий чернобородый человек был своим среди грузин, прекрасно знал их обычаи, свободно говорил по-грузински, во всех случаях жиз-

ни сохранял свое достоинство, что особенно импонировало местным жителям, людям гордым и независимым. О гостеприимстве кутаисского (неточность - багдадского. *Н.З.-Ш.*) лесничего, которым мог пользоваться всякий приезжий, даже писали в газете «Черноморский вестник». А для грузинских крестьян, по преимуществу имеретинцев, он был веселым, общительным, доступным человеком, хотя и находился на государственной службе».

«Первый дом, вспоминаемый отчетливо, - писал Владимир Маяковский в автобиографии, - территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами».

Багдади - одно из красивейших мест Верхней Имеретии, да, пожалуй, и всей Грузии. Односельчанин Маяковского Давид Чхеидзе рассказывал: деревня Багдади «расположена на берегу реки Ханисцкали, в том месте, где сворачивает из ущелья».

▼ Кутаиси. Начало XX века

▲ Кутаиси. Берег р. Риони

ля Ахалцихская дорога. Неподалеку от железного моста, который отделяет Багдади от деревни Нергиети, стоит деревянный дом Константина Кучухидзе. В этом доме родился Володя. На берегу реки, под большими орехами, у Кучухидзе был небольшой водоем, где всегда плескалась рыба. Летом в водоеме охлаждались кувшины с вином. Совсем близко, к югу от деревни, начинаются горы». Из этого дома перешли в дом Шарашидзе, а затем в каменный дом на склоне горы, окруженный крепостным валом. Когда-то Багдадская крепость служила ареной схваток грузин с турками. Ныне от нее остались только вал и ров...

Тициан Табидзе вспоминал: «Как-то Маяковский рассказал нам о своем намерении написать в стихах и прозе большое автобиографическое произведение о Багдади. Образ

Багдади им был прибережен для последних, задуманных им лирических вещей, но, увы, этому не суждено было осуществиться».

В детстве Володя вел себя как все грузинские мальчишки - бегал со сверстниками на речку, в поля и горы, сочинял на спор шаири. Разве что читал больше других. По воспоминаниям сестры, набрав полные карманы фруктов, уходил в сад и читал, читал...

А еще он часто просил отца взять его в верховые объезды лесничества, и Владимир Константинович никогда не отказывал - мальчик проявлял в любых условиях настоящий мужской характер. Езде на лошади Володю выучил объездчик Имриз. И даже обучил некоторым элементам джигитовки.

Володя очень любил декламировать, причем избрал для этого свой

▲ **Володя Маяковский (в центре) с одноклассниками**

способ - залезал в чури (огромные глиняные кувшины для хранения вина в земле) и читал там вслух, наслаждаясь звучанием.

Владимир Константинович часто представлял своего шестилетнего сына гостям следующим образом: «Это мой сын - наследник пустых имений. Сейчас он прочтет вам стихи». И Володя начинал читать:

Был суров король дон Педро,
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,
Только усом поведет.

И читал до конца большое стихотворение Майкова «Пастух». Читал и Пушкина, и Лермонтова, и Некрасова... Так, в 1898 году ко дню рождения отца и своему пятилетний Володя выучил стихотворение Лермонтова «Спор» и выступил перед многочисленными гостями. К этому времени относится и его первый экспромт, связанный с приобретением фотоаппарата:

Мама рада, папа рад,
Что купили аппарат.

Пришло время, и в семье заговорили об учебе Володи в гимназии. Найти учителя для подготовки к экзаменам в Багдади было сложно. Осенью 1900 г. Александра Алексеевна вместе с Володией переезжает в Кутаиси, снимает две маленькие комнатки в доме Глушковских. Подготовка к поступлению в гимназию шла два года с перерывами на летние «каникулы», которые Володя проводил дома, в Багдади.

Каким был Кутаиси на стыке веков? Поэт Колау Надирадзе, одноклассник Маяковского, писал: «Я и сейчас вспоминаю тогдашние изумрудные весны и томительные осенние дожди Кутаиси. Его узкие грязные улицы. Помню кондитерскую Мунджиева, его прославленные пончики и его самого, толстого грузного брюнета... В 1906 или 1907 году Мунджиев был убит. Говорили, что он оказался провокатором. Как обрывки сна, еще оживают порой начальник пожарной команды с толстыми

▲ Кутаисская классическая гимназия

усами и глазами навывкате, стоявший у военного госпиталя длинноносый городской в сапогах с широкими низкими рыжими голенищами, увешанный орденами краснолицый генерал на площади, гром военного оркестра на параде, смешивающийся с грохотом летящих к Риону за водой бочек водовозов, обход фонарных столбов в сумерках незнакомым человеком-призраком с лестницей на плече и затем слабое мерцание зажженных фонарей в наступающей ночи. Я хорошо помню, как впервые зажглись в Кутаиси газовые фонари, шипевшие и разливавшие белый, чуть лиловатый свет. Первым их ввел Лагидзе. Он повесил их перед своим лимонадным заводом, находившимся у городского сада. Свет этих фона-

рей привлекал публику. У столиков, выставленных прямо на тротуаре, перед заводом, собиралось кутаисское «общество». Кутаиси считался «аристократическим» городом. В нем было собрано обанкротившееся и еще сохранившее кое-какой достаток имеретинское дворянство... Ни дым известковых печей, ни стук молотков в кузницах, ни вагонное депо не нарушали невозмутимого покоя Кутаиси. И только изредка оживлялся ритм жизни города, когда, белый, как лунь, проходил мимо городского сада Акакий Церетели или бродил по извилистым улицам, бросая грустные взоры, Важа Пшавела...»

У Г. Бебутова читаем: «В центре Кутаиси раскинулся тенистый сад. В саду играл военный духовой оркестр,

было много офицеров, устраивались танцы... До семи часов в саду разрешалось бывать учащимся. От мужской гимназии до сада - минута ходьбы. Кутаисская гимназия была основана в пятидесятых годах XIX столетия. Позже, с введением древних языков - латинского и греческого - гимназия преобразовалась в классическую».

В мае 1902 года Володя Маяковский предстал перед экзаменаторами, чтобы поступить в подготовительный класс Кутаисской классической гимназии - в синих суконных штанах, белой матросской рубашке с якорем на рукаве, в бескозырке с надписью «Матрос» (излишне уточнять, что наряд был собственноручно сшит мамой). На все вопросы учителей отвечал четко.

Но тут произошел забавный эпизод, о котором Маяковский потом напишет в своей автобиографии и из-за которого, по его собственным словам, «чуть не провалился». Священник, учитель закона божьего, спросил:

- Что такое око?

- Три фунта, - сразу же ответил Володя.

Он спутал древнеславянское «око» и грузинское «ока», что значит три фунта.

Несмотря на ошибку, в подготовительный класс Кутаисской гимназии, где когда-то учились его отец и дядя, Маяковский был принят.

В гимназии учились дети и дворян, и крестьян, и военных, и мещан, и чиновников. Занятия велись исключительно на русском языке. Многие

▲ Володя Маяковский (слева) на крыльце дома Чейшвили в Кутаиси.

ученики слабо владели русским языком, и Володя помогал им в изучении русского, а вне гимназии разговаривал с ними по-грузински.

В первые годы, в подготовительном, первом и втором классах, Маяковский занимался прилежно («иду первым, весь в пятерках»), блестяще учился рисованию и получал высшие отметки - пятерки с плюсом.

Повезло с педагогами. В классе Маяковского преподавали Николай Николаевич Джемарджидзе (кстати,

▲ Н.Н. Джемарджидзе

▲ В.А. Васильев

▲ В.А. Баланчивадзе

он оставил после себя труд - «Педагогические этюды», доказательство того, каким творческим, внимательным и передовым учителем он был), Василий Антонович Баланчивадзе, который обратил серьезное внимание на способности Маяковского к рисованию (кстати, работы Володи Маяковского всегда красовались в классе - портреты писателей и иллюстрации)... Кроме того, у Володи некоторое время был еще один учитель. Именно о нем он вспоминал в автобиографии: «Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром». Это был художник С.П. Краснуха, окончивший Петербургскую академию художеств с золотой медалью.

Преподаватель русского языка и истории В.А. Васильев вспоминал: «Володя Маяковский резко выделялся из среды товарищей крупной фигурой, своей не по годам серьезностью. Одет он был всегда чисто и опрятно. Его большие глаза смотре-

ли вдумчиво и пытливо. Во время занятий Володя сидел тихо, внимательно слушал сообщаемый материал, часто обращался с вопросами. Уроки готовил тщательно и основательно. Ответы его отличались обстоятельностью и логичностью. Отвечал он всегда неторопливо, спокойно, писал аккуратно, крупным, четким почерком. Особой резвости и живости Володя Маяковский не проявлял».

Преподаватель П. Цулукидзе оставил такое воспоминание: «Раз в учительской ко мне подошел законоучитель Шавладзе и сказал: - Что за странный мальчик этот Маяковский.

- А что случилось? Напроказничал? - спросили его.

- Нет, шалить-то он не шалит, но удивляет меня своими ответами и вопросами. Когда я спросил: «Хорошо ли было для Адама, когда бог после его грехопадения проклял его и сказал: «В поте лица своего будешь ты есть хлеб свой?» - Маяковский ответил: «Очень хорошо. В раю Адам

ничего не делал, а теперь будет работать и есть. Каждый должен работать». Потом задал мне вопрос: «Скажите, батюшка, если змея после проклятия начала ползать на животе, то как она ходила до проклятия?» Все дети засмеялись, а я не знал, что ответить».

На каникулы Володя уезжал в Багдади. Вместе с мамой и сестрами часто отдыхал в селе Нергети, ездил к знакомым в Батуми и Сухуми, в Зекари, которое славилось минеральными источниками... «Всей семьей поехали в древний грузинский монастырь Гелати, - вспоминала Л. Маяковская. - Мы вошли в церковь, когда священник произносил молитву на грузинском языке: - Мамиса, дадзиса, мамиса, сулиса... Володя в тон ему произнес: - Крути, крути, колесо, чтоб дело наше хорошо пошло! Ему сказали, что в церкви нельзя кричать. Но он не унимался, кричал еще громче, так что было слышно по всей церкви».

Новый год встречали, как правило, в Кутаиси - устраивали дома елку, собиравлось много молодежи, танцевали, пели...

Маяковские жили не бедно, но очень, очень скромно. В начале очередного учебного года, когда наступил срок платы за обучение, Маяковский-старший подал педагогическому совету прошение: «На самом скромном моем содержании, без всяких других подспорных средств, мне приходится воспитывать на отлете от местопребывания троих детей, что при получаемых средствах страшно чувствительно. Прибегаю к

▲ Семья Маяковских. Кутаиси. 1905г.

благоклонному вниманию Вашего превосходительства и прошу зависящего распоряжения об освобождении моего сына Владимира - воспитанника 2 класса от платы за право учения. При сем прилагаю свидетельство о моем материальном обеспечении за № 3860. В.К. Маяковский. 8 сентября 1904 г. с. Багдады».

В просьбе было отказано. Педагогический совет посчитал ее недостаточно обоснованной.

В январе 1904 г. началась русско-японская война, а падение Порт-Артура вызвало волнения по всей стране. Занятия в гимназии шли с перерывами, ученики больше нахо-

дились на улице, чем за партами. «Не до учения, - писал Маяковский в автобиографии. - Пошли двойки. Перешел в четвертый класс только потому, что мне расширили голову камнем (на Риге по подрался) - на переэкзаменовке пожалели... Пошли демонстрации и митинги... У нас была пятидневная забастовка, а после гимназия была закрыта на четыре дня, так как мы пели в церкви Марсельезу».

В эти дни было написано, видимо, одно из первых (может быть, единственное на тот период) стихотворение Маяковского. Вообще, есть только одно свидетельство, что Володя Маяковский в гимназические годы в Кутаиси пробовал свои силы в стихах. Его педагог и классный наставник Васильев вспоминал: «В 1904 году лишь один раз Маяковский обратился ко мне с маленьким стихотворением, прося прочесть его. Стихотворение это, небольшое по

объему, старательно переписанное крупными, тщательно вырисованными буквами, поразило, помнится мне, не содержанием, а особой оригинальностью ритма; оно было написано белым стихом. Я посоветовал Маяковскому работать над собой. Других подобных фактов в моей памяти не сохранилось».

После трагических событий на Дворцовой площади столицы 9 января 1905 года по всей России покати-лась волна стачек и забастовок, они охватили Ригу, Варшаву, Тифлис и все Закавказье.

В письме А.А. Маяковской доче-ри от 1905 г. читаем: «Что делают с учащимися, это одни ужасы. Когда я читала о бесчинствах над учащими-ся в Одессе, то замирало сердце и стыла кровь: я боюсь за детей. Оля занимается в гимназии, а Володя только бегаёт на сходки, сейчас тоже побежал в гимназию, несмотря, что

уже вечер, он присоединился к группе шестиклассников, к ним приходит студент и читает им новые книги, а Володя очень этим интересуется, он у нас большак, сильно идет вперед и удержать не могу».

«В те годы Кутаиси был поистине охвачен революционным пожаром, - вспоминал Тициан Табидзе. - Особенно бушевала молодежь. Очаги революции были повсюду - в театре и на улице, в гимназии и казармах. Кутаисский театр возглавлял Ладо Месхишвили. Каждое представление «Кая Гракха» превращалось в настоящий митинг. «Граждане!» - кричал народ. Впоследствии такой порыв был описан Андреем Белым в первом издании романа «Петербург». Наша гимназия особо выделялась даже на таком общем фоне - революционный дух держался в ней до самых последних дней самодержавия. Мы писали прокламации, точно классные сочинения. Из-за одной листовки - к 300-летию дома Романовых - я чуть не угодил в тюрьму. Революционный подъем достиг своего зенита к концу 1905 года. Вот в какое время учился в нашей гимназии Владимир Маяковский».

В разгар событий 1905 года злободневный характер приобрели и рисунки Володи Маяковского. Персонажами его шаржей и карикатур стали те преподаватели, которые не были любимы учениками и занимали реакционные позиции. Даже либеральный Баланчивадзе испугался, увидев карикатуру Маяковского на преподавателя естествознания, изображенного в виде злобно лающего

пса. Чтобы хоть немного успокоить любимого учителя, Володя шепнул ему по-грузински: «Тквени чириме, аравис ухрат!» («Умоляю, никому не говорите!»).

Именно в это время Маяковский на всю жизнь запомнил революционные стихи Иродиона Эвдошвили и народную «Песнь об Арсене Джорджиашвили» («Мегобребо, цин, цин гасцит» и «Ме вар Арсена»).

В стихотворении «Владикавказ-Тифлис» он писал:

А дальше
я видел -
в пробойну скал
вот с этих
тропиночек узких
на сакли,
звения,
опускались войска
золотопогонников русских.
Лениво
от жизни
взбираясь ввысь,
гитарой
душу отверз -
«Мхолот шен эртс
рац, ром чемтвис
Моуция
маглидан гмертс...
И утро свободы
в кровавой росе
сегодня
встает поодаль.
И вот
я мечу,
я мститель Арсен,
бомбы
5-го года.

Вот только некоторые из событий, которые произошли на Кавказе в эти годы: победная стачка бакинских рабочих в декабре 1904 года; 18 января 1905 года в Тифлисе началась всеобщая забастовка, за которой последовала серия забастовок в городах всего Закавказья, в том числе и в Кутаиси; крестьянские восстания в Гурии; всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года, докатившаяся и до Грузии...

Кутаисская губерния, как и вся страна, кипела. В Приказе по Кавказскому военному округу от 5 января 1906 года говорилось: «Правительственные чиновники устранены, земская стража обезоружена и заменена своею милициею, желез-

нодорожное сообщение не только прекращено, но на известных участках путь совершенно разобран. Все станции заняты вооруженными отрядами мятежников, которые осматривают, отбирают оружие, пакеты, обезоруживают жандармов, офицеров не пропускают вовсе». Николай II писал наместнику на Кавказе про губернатора Кутаисской губернии Старосельского: «Поистине, место его на хорошей иве! Пример был бы благодетельный для многих».

Можно сказать, что за несколько месяцев Маяковский изменился на глазах. Вот как об этом вспоминал В.А. Васильев: «В верхнем этаже шла сходка учащихся старших классов. Младшие гимназисты, хотя у них и не было уроков, находились в классных помещениях. Я спускался по лестнице с верхнего этажа и когда стал подходить ко 2-му классу, где состоял классным наставником, увидел, что все мои ученики сидят за партами, лишь двое-трое, выбежав из класса, стали у двери и порываются идти на сходку, хотя сами гимназисты старших классов рекомендовали младшим товарищам не присутствовать на сходке. Среди этих учеников был и Маяковский. Он не видел меня, а я наблюдал за н о в ы м Маяковским, которого еще не знал. Всегда сдержанный, самоуглубленный, спокойный Володя предстал предо мною иным. С горящими глазами, он то порывался идти на верхний этаж, то вновь возвращался к двери класса. Порывистость движений, взволнованный вид - таким я еще его не знал. Каза-

лось, он никого и ничего не замечает вокруг себя. Я продолжал молча с интересом наблюдать за ним. Через минуту-две он вдруг отошел от двери и, все ускоряя шаги, побежал по лестнице на верхний этаж, на сходку старших учеников. Следом за ним побежали остальные ученики, стоявшие с Маяковским у двери класса, а минут через пять почти все второклассники были на сходке».

Дабы избежать еще больших волнений среди молодежи, с 1905 года ученикам гимназии разрешили свободно посещать театр. Кутаисский театр тогда возглавил режиссер-реформатор Ладос Месхишвили, с которым семья Маяковских была дружна. Театр пользовался уважением и популярностью. На его сцене выступали блестящие грузинские актеры Валериан Гуния и Юза Зардалишвили, на гастроли приезжали выдающиеся представители русского театра - М. Савина, В. Комиссаржевская, П. Орленев. Месхишвили преобразовал прежний репертуар. Вместо дешевых водевилей ставилась классическая русская и европейская драматургия - Грибоедов, Гоголь, Сухово-Кобылин, Шекспир, Шиллер... Владимир часто ходил в театр, а на многих спектаклях с сестрой Ольгой бывал по нескольку раз.

Летом того же года Маяковский последний раз поехал в Багдади. Сына лесничего, приехавшего на каникулы, местные жители встретили приветливо не только потому, что давно его знали и симпатизировали ему, но и потому, что очень уважали

и любили Маяковского-старшего, который обладал замечательным даром находить со всеми общий язык. В эти тревожные дни социальных волнений в стране Владимир Константинович писал дочери: «Здесь все чиновники получили анонимные письма с нарисованным гробом, кроме меня».

А в начале 1906 года случилось непредвиденное и непоправимое... После долгих хлопот и стараний Владимир Константинович добился же-

▼ **Ладос Месхишвили (слева) и Юза Зардалишвили**

ланного перевода - получил извещение о том, что назначен кутаисским лесничим. Он начал готовить к сдаче дела Багдадского лесничества, сшивать бумаги. На укол пальца иглой не обратил никакого внимания. И даже заметив, что на месте укола образовался нарыв, уехал в лесничество. Вернулся совершенно больным. Началось общее заражение крови. Врачи были бессильны. Он умер в страшных мучениях, на глазах семьи. Умер от роковой нелепой случайности крепкий, никогда не болевший человек, которому было всего 48 лет...

«Благополучие кончилось. После похорон отца - у нас в кармане 3 рубля», - писал поэт в автобиографии. А сестра Маяковского вспоминала: «Володя самый младший, но почти взрослый по своему развитию... Распоряжался на похоронах, обо всем хлопотал, не растерялся. Он сразу почувствовал себя мужчиной, заботливо и внимательно относился к нам».

Вскоре после смерти отца в семье созрело решение о переезде в Москву. 16 июня имя Маяковского, окончившего 3 класс и переведенного без экзамена в 4-й, заносится в «Список учеников Кутаисской гимназии, выбывших в 1906 году».

Маяковские распродали вещи, заняли небольшую сумму у друзей на дорогу и 20 июля выехали из Кутаиси. На три дня остановились в Тифлисе. Л.Маяковская вспоминала: «Володя в два дня обегал и объездил весь город, все просил у мамы денег на конку. Ясно было, что

Володя вышел уже на простор жизни - твердо и самостоятельно, и что трудно будет им руководить».

Итак, Грузия осталась за спиной...

Если говорить «по уму», то справедливо заметил исследователь и знаток творчества Маяковского В.Перцов: «Будущий великий русский поэт, живя в Грузии, в Кутаиси, не мог в своем духовном развитии пройти мимо грузинской культуры». А если сказать «по сердцу», то в 1906 году Маяковский, может быть, даже этого не осознавая, увозил с собой из Грузии в Москву, куда его «тянуло невероятнейше», пронзительное чувство родины. Это чувство не оставит его никогда, до самой смерти.

▲ В. Маяковский. Портреты Давида Бурлюка и Василия Каменского

Только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я -
грузин.

Владимир Маяковский

Прошло восемь лет, прежде чем Маяковский снова появился в Тифлисе. За его плечами - учеба в московской гимназии, несколько арестов Охранным отделением за участие в революционной деятельности, занятия в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он - поэт-футурист, уже широко известный в литературных кругах как необычно-

венная личность и автор самобытнейших стихотворений и трагедии «Владимир Маяковский».

В 1914 году Борис Пастернак увидел, запомнил и полюбил Маяковского таким: «Передо мной сидел красивый, мрачного вида юноша с басом протоиакона и кулаком боксера, неистощимо, убийственно остроумный, нечто среднее между мифическим героем Александра Грина и испанским тореадором. Сразу угадывалось, что если он и красив, и остроумен, и талантлив, и, может быть, архиталантлив, - это не главное в нем, а главное - железная внутренняя выдержка, какие-то заветы или устои благородства, чувство долга, по которому он не позволял себе быть другим, менее красивым, менее остроумным, менее талантливым».

27 марта 1914 г. газета «Тифлис-

ский листок» писала: «На Головинском проспекте толпа... сопровождала трех субъектов в странном одеянии. Толпа, конечно, еще не знала, что странно одетые люди - футуристы». Это были Владимир Маяковский, Василий Каменский и Давид Бурлюк, которые в Тифлисе завершали свое большое турне по разным городам с декабря 1913 г. по март 1914 г. Бурлюк был одет в малиновый тканый сюртук с перламутровыми пуговицами. В руках он держал дамский лорнет. На Каменском был черный бархатный плащ с серебряными позументами. А Маяковский облачился... Ну конечно, в желтую кофту и фетровую широкополую шляпу.

В этот же день в Казенном театре Тифлиса состоялось выступле-

ние футуристов. Маяковский объявил: «Милостивые государыни и милостивые государи. Вы пришли сюда ради скандала. Предупреждаю, скандала не будет». Очевидец этого вечера вспоминал: «В нем жила природная театральность. Он по праву распоряжался на сцене без всякой позы, без малейшего усилия. Он не искал слов и не спотыкался о фразы... Маяковский именно разговаривал с публикой. Он готов был принять в ответ реплики и обрушить на них возражения... Когда речь доходила до стихов, в зале становилось совершенно беззвучно». Это был успех.

Однако кто бы ни передавал свое впечатление о Маяковском 1913-1914 годов, неизменно отмечал его трагизм - черту, проходящую через все воспоминания о нем. Так, С. Спасский свидетельствовал: «... непонятный, ни на чем не обоснованный, опровергаемый его молодостью, его удачливой смелостью, но все же явно осязаемый трагизм пронизывал всего Маяковского. И, может, это и выделяло его из всех».

Маяковский не смог уехать из Грузии, не побывав в родном городе, и уговорил В. Каменского на один день съездить в Кутаиси. Они провели там по-настоящему радостный день. Маяковский увлеченно рассказывал другу о своем детстве, водил его по городу, который пленял Каменского пышными цветущими садами, хрустальным блеском стремительного Риони, своим особым колоритом.

- Вот она, моя гимназия, ура! - кричал Маяковский. - Смотри, вот

из этого окна я не раз выпрыгивал в перемену на улицу и покупал в этой лавке чурчхелу. Вот бы ворваться сейчас в гимназию и прочитать там стихи!

«Всюду на улицах Володя встречал молодых людей, - писал Каменский, - друзей детства, обнимался, целовался с ними, говорил по-грузински и острил так, что вокруг грохотал сочный смех».

28 марта 1914 года, «надышавшись», как он говорил, родным воздухом, поэт покидает Грузию. Маяковский уехал на долгих 10 лет...

А в 1922 году у него состоялась неожиданная встреча в Париже с другом юности - художником Ладом Гудиашвили. Встретились они в кафе «Ротонда» на Монпарнасе. Л. Гудиашвили вспоминал: «Сидел за чашкой кофе, делал зарисовки. И

вдруг слышу по-грузински:

- Гамарджоба, Лад! Что ты здесь делаешь?

Обнялись, как два пламенных грузина, долго беседовали. Он рассказывал о Москве, о Тбилиси, об общих знакомых... Потом посмотрел на меня внимательно:

- Ты, говорят, уже нашумел здесь?»

Маяковский успел узнать о парижской жизни грузинского друга... Семь дней пробыл тогда Маяковский в Париже. Встречался с поэтами, художниками, музыкантами. И всюду приглашал с собой Гудиашвили.

После десятилетней отлучки 29 августа 1924 года Маяковский приезжает в Тифлис. В те дни в городе в связи с выступлениями меньшевиков были отменены литературные вечера, спектакли, после восьми

▼ В. Маяковский и Л. Гудиашвили (на переднем плане) в кругу друзей. Париж, 1922 г.

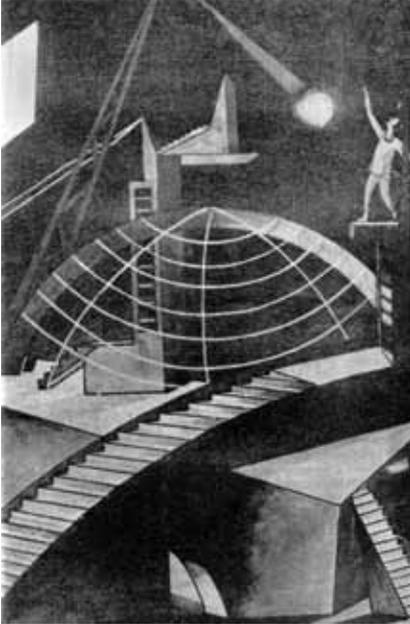

▲ Котэ Марджанишвили

часов вечера нельзя было ходить по улицам без пропусков. Маяковскому выдали специальное разрешение. Позже он вспоминал: «Красноармеец из уличного патруля (3 года назад в Тифлисе) сам удостоверяет мою поэтическую личность». Несмотря на отмененные выступления, пребывание поэта в Тифлисе оказалось заполнено событиями, встречами, творчеством, да и просто радостью, ведь приезд в Грузию для Маяковского был возвращением домой, где его всегда ждали и где ему было хорошо.

Весной 1924 года режиссер Котэ Марджанишвили прочел пьесу Маяковского «Мистерия-Буфф».

Вдохновленный и воодушевленный талантливым произведением, Марджанишвили немедленно поручил перевод пьесы Тициану Табидзе. Летом, после окончания театрального сезона, коллектив театра находился на отдыхе в Манглиси. Как-то вечером Марджанишвили собрал всю труппу и объявил, что прочитает «замечательную пьесу подлинного поэта-новатора». По прочтении он стал объяснять план постановки, который был грандиозен, и предложил художнику Ираклию Гамрекели подумать об оформлении спектакля на открытом воздухе. По первому варианту, режиссер хотел поставить «Мистерию» на горе Давида, на плато, за верхней станцией фуникулера. Обладавший огромной энергией и способностью увлекаться интересным проектом со всей страстью, на следующий же день после читки Марджанишвили вместе с Гамрекели на маленьком пассажирском самолете - четырехместном открытом «Юнкерсе», который в то время курсировал между Манглиси и Тифлисом, вылетели в столицу. К вечеру они вернулись с окончательным решением: «Мистерия-Буфф» будет поставлена так, чтобы ее видел весь Тифлис - на самой горе, у нижней станции фуникулера, по склонам природного амфитеатра. «Использовать пространство, природные и искусственные декорации и никакой шумовой музыки», - говорил Марджанишвили. Маяковский был обрадован и воодушевлен планами Марджанишвили. Он очень увлекся идеей постановки и, встречаясь с

▲ «Мистерия-Буфф».
Эскиз И. Гамрекели

И. Гамрекели, подробно расспрашивал его о макетах декораций. «Говорил главным образом Маяковский, - вспоминает И. Гамрекели. - Заложив руки в карманы клетчатых брюк, он ходил по маленькой комнатке, заполняя ее своей огромной фигурой... Помню, мы долго ничего не могли придумать для оформления сцены ада. Молчали. Маяковский вдруг засмеялся и сказал: - Да ведь там же примус, огромный, горящий примус и сковородка, а на ней будет разворачиваться действие. Ну, ад и грешники, понятно. - И тут же стал подробно объяснять, как и что надо сделать».

При встрече с Маяковским Марджанишвили со всем пылом свое-

го темперамента раскрывал поэту возможности его пьесы. Очевидцы вспоминают, что во время беседы Маяковский каждую секунду вскакивал со стула, а режиссер махал на него рукой - «садитесь!», Маяковский послушно садился, но тут же вскакивал снова. Ему очень нравилось все, что предлагал Марджанишвили, он даже обещал, по просьбе режиссера, прибавить в тексте кое-что злободневное... К огромному сожалению, в силу многих обстоятельств постановка не была осуществлена.

В те дни Маяковский познакомился с теми, кто стали впоследствии его преданными друзьями на всю жизнь - прежде всего, это Симон Чиковани и Николай Шенгелая. В это время в Тифлисе сложился свой кружок лефовцев, ценителей и почитателей Маяковского, в который, помимо Шенгелая и Чиковани, входили Б. Жгенти, И. Гамрекели, Б. Гордезиани... Маяковский с интересом общался с лефовцами, приходил к ним во Дворец писателей, читал свои стихи, слушал грузинских поэтов, все много и азартно спорили. «Вождь новейшей русской поэзии, и вот он - он! - находится среди нас и дружески, доверительно беседует с нами», - таким было общее впечатление, озвученное С. Чиковани.

Для сентябрьского номера журнала «Мнатоби» были подготовлены стихи Маяковского в переводах Пало Яшвили. Сам Яшвили в те дни находился в Аргвети, и С. Чиковани прочитал Маяковскому переводы по корректуре. Владея грузинским языком, поэт смог оценить качество

▲ Дружеские шаржи Ираклия Гамрекели

переводов и свободно разобраться в их звучании. «Стихи по-грузински звучат сильно, но в некоторых не сохранен ритм оригинала, - заметил Маяковский. - Французское стихосложение тоже силлабическое, но французы смогли сохранить в своих переводах ритмическое движение оригинала. Но в общем переводы мне очень понравились».

Но Маяковский не был бы Маяковским, если бы в свободное время не вспомнил о бильярде, а Тифлис не был бы Тифлисом, если бы на досуге друзья не посидели за одним столом. Были и застолья, и бильярд. С.Чиковани вспоминал: «Маяковский, правда, не обнаружил пристрастия к вину, но сотрапезником оказался чрезвычайно общитель-

ным... Его собственному остроумию не было предела. Он нанизывал шутку на шутку, остроту на остроту и своими искрометными экспромтами вносил еще больше оживления».

6 сентября в 10 часов вечера Маяковский уезжал в Москву. В сопровождении друзей уже в сумерках он покинул гостиницу. Пересекли проспект Руставели, направились в сторону Верийского моста. Поэт предложил напоследок зайти в бильярдную. Гамрекели и Маяковский начали играть в «американку». Проигравший должен был пролезть под столом. Играл Маяковский превосходно, но неожиданно первые две партии выиграл Гамрекели. Маяковский со смехом дважды пролез под бильярдом. До поезда оставалось

совсем немного времени, но азарт взял свое, и Маяковский заявил, что не выиграв, не уедет, и выиграл следующие две партии. Когда приехали на вокзал, поезд уже тронулся. Маяковский бросил свой чемоданчик в первый попавшийся вагон, сердечно попрощался с друзьями и гигантскими шагами побежал догонять поезд...

На другой день, 7 сентября, в газете «Заря Востока» было опубликовано одно из лучших стихотворений Владимира Маяковского - «Юбилейное».

25 февраля 1926 года афиши оповестили Тифлис о предстоящих выступлениях Владимира Маяковского.

26-го поэт увиделся с друзьями на неизменном месте встречи - у здания Оперного театра. В компании Симона Чиковани, Николая Шенгелая, Ираклия Гамрекели, Кирилла Зданевича и других добрых знакомых Маяковский, как и полтора года назад, отправился в подвальчик «Симпатия» к Аветику. Знаменитый хозяин приветствовал гостя, справился о его здоровье, а после этого спросил, не помнит ли он его, Аветика. «Я скорее забуду Шекспира, забуду Гете, но тебя буду помнить всегда», - ответил поэт, а затем сокрушался, что Аветик

вынудил его принести в жертву классиков мировой литературы.

Маяковский недавно вернулся из Америки, и за обедом кто-то в шутку спросил у него, не забыл ли он там грузинский язык. В ответ Маяковский рассказал о том, как в Америке ему пригодилось знание грузинского языка: «В Чикаго, где я выступал с докладом, какой-то белогвардеец решил надо мной поиздеваться. Зная, что я не владею английским, он произнес речь, направленную против меня, на английском. Я поднялся и ответил оппоненту по-грузински. Все были поражены. А с галерки вдруг раздался выкрик: «Кацо, саидан хар?» (откуда ты?). Я крикнул в ответ: «Кутатури вар, кутатури!» (кутаисец я, кутаисец). После вечера этот человек повидел меня, и мы очень подружались».

Вечером 26 февраля Маяковский выступил в Театре Руставели с до-

▲ Театр имени Руставели

▲ Грузинские поэты в редакции «Бахтриони». Г. Леонидзе (сидит в центре), Т. Табидзе (стоит крайний справа), П. Яшвили (стоит второй справа).

кладом «Мое открытие Америки» и чтением стихов. Зал был заполнен наполовину. Поэт не оставил это незамеченным, начал обсуждать с залом ситуацию, и в итоге публика почувствовала свою ответственность за досадное недоразумение. Маяковский держался дружелюбно, разговаривал полушутливо-полусерьезно... Так получилось, что поэт обрушился с критикой на Константина Бальмонта и заметил, что в стихах, посвященных Грузии, тот упоминает только одно грузинское слово - «макоце» (поцелуй меня)... В тот же миг какая-то девушка из зала спросила, знает ли он, что означает это слово? Маяковский мгновенно повернулся на голос, шагнул к авансцене, оказавшись над головой девушки, и с мягчайшей улыбкой ответил: «А как же, дорогая, и даже практическое

применение этого слова». В зале раздался дружный смех. «А вот я вставил в свои стихи о Грузии целую песню на грузинском языке - «Мхолот шен эртс», - продолжал поэт и с особым воодушевлением прочитал стихотворение «Владикавказ - Тифлис». Поэт полностью подчинил себе зал. Вечер прошел с огромным успехом.

На другой день поэт пришел в гости к Зданевичам, у которых была собрана изумительная коллекция картин Нико Пиросмани. «Замечательный художник, прекрасный колорист, - отмечал Маяковский. - Мне он нравится больше Анри Руссо. Руссо по сравнению с Пиросмани сказочнее и отвлеченнее, автор же этих картин человечнее и народнее...»

На второй свой вечер в Театре Руставели 1 марта Маяковский

пришел, настроенный уже не так дружелюбно. Причиной тому была рецензия о первом вечере, появившаяся в «Заре Востока» - бестактная и поверхностная. Зал был полон. Грузинская общественность демонстрировала свою единодушную поддержку поэту. На сцену поднялся Паоло Яшвили и заявил, что оценку рецензента надо считать сугубо его личным мнением, ни в какой степени не отражающим взгляд грузинских поэтов, которые «считают Маяковского величайшим поэтом, ... а его поэзию - блистательнейшим явлением культуры». П. Яшвили прочитал свои переводы «Левого марша» и «Необычайного приключения...»

«В последний свой вечер в Тифлисе поэт Маяковский растопил равнодушие даже той публики, которая дальше оперных гастролеров ничего не видит. Знаменитый «Левый марш», прочитанный с редким подъемом, создал в чуткой аудитории буквально настроение восторга», - писала тифлисская газета «Рабочая правда» 2 марта 1926 года.

Маяковский остался в Тифлисе до 2 марта. «Мы встречались ежедневно, - вспоминал С. Чиковани. - Мы говорили главным образом о стихах и уйму времени отдавали доскональной оценке творчества того или иного поэта. Поэзия была не просто любимой темой Маяковского - он глубоко был убежден в ее великом значении... Наступил час отъезда Маяковского в Москву. Провожать его собрались многие тбилисские друзья. Поэт был как будто грустен, угрюм, но потом оживился, начал шутить с женщинами. Поднимаясь в вагон, он

▲ Ната Вачнадзе и Николай Шенгелая

сказал: «Этих красавиц я поручаю Симону и Жанго». Провожаящие весело зашумели...»

Спустя полтора года, в декабре 1927 года, Маяковский вновь приехал в Тифлис. Это была его последняя встреча с Грузией. Именно этот приезд поэта оказался самым насыщенным из всех - и встречами, и выступлениями, и радостным, дружеским общением. Друзья не изменили традиции: после встречи у оперного театра - обед в «Симпатии».

Во время застолья произошел курьезный случай - посетители, сидевшие за соседним столиком, начали отпускать в их адрес издевательские замечания, очевидно, никого из поэтов не узнавая. Первым вспылит Шенгелая, заявив, что отлупит каждого из них в отдельности. Его с трудом удержали. А Маяковский поступил иначе - он буквально напал сражал наглецов своими остроумными ответами. Они догадались, с кем

имеют дело, и, извинившись, покинули ресторан.

Тамадой застолья была избрана замечательная актриса Нато Вачнадзе, которая прекрасно справилась и с этой ролью. Маяковскому явно нравилось ее руководство столом. «Я, оказывается, ничего не знал, думал, что Ната Вачнадзе красивая артистка и только, а вот она какой друг и товарищ, какой замечательный человек! И как она знает поэзию!» - восхищался поэт.

9 декабря с поразительным успехом прошло выступление Маяковского в Театре Руставели. Поэт читал отрывки из поэмы «Хорошо!» Этот вечер известен и следующим знаменитым эпизодом: когда в переполненный зал вошли несколько запоздавшие Нато Вачнадзе и Николай Шенгелая и не могли найти себе места, Маяковский прервал свое выступление и сказал: «Что вы стоите, подойдите ближе, не стесняйтесь! Вот я вас здесь и обвенчаю принародно!» Весь зал засмеялся, как бы признав отношения Вачнадзе и Шенгелая узаконенными. На следующий день появился первый отклик в «Рабочей правде» с заголовком «Хорошо, Маяковский!»

10 декабря Маяковский выступает в студенческом клубе Тбилисского университета. Именно на этом вечере страсти накалились до того, что между двумя зрителями-студентами возникла драка. Противники переругивались по-грузински, и Маяковский выкрикнул что-то тоже на грузинском языке. «Весь зал был наэлектризован, - писал П. Лавут. - Когда шум

затих, молодежь настойчиво потребовала, чтобы он прочел что-нибудь по-грузински. Маяковский прочел несколько строк из «Левого марша». Вспыхнула овация. - Вот это, я понимаю, вечер! Сколько темперамента! Раз дерутся, значит, есть за что, - сказал он в перерыве». Об этом же вспоминает Бесо Жгенти: «Нельзя забыть, какое восхищение вызвал Маяковский, когда в своем докладе в университете наизусть процитировал грузинские народные стихи и поговорки, когда он с трибуны вмешался в обостренный спор, возникший между студентами на грузинском языке».

Как всегда поэту задавали много вопросов, среди которых прозвучали и такие: «Вы грузин или русский? Ваша Родина - Россия или Грузия?» Маяковский сделал маленькую паузу, улыбнулся и ответил: «Хотите знать, кто я? По рождению я грузин, а по национальности русский. Багдади - место моего рождения. Грузию люблю как родину, люблю ее небо, ее солнце, ее природу».

11 декабря Маяковский вновь выступил в Театре Руставели, 12-го - в Закавказском коммунистическом университете. Кстати, именно на вечере в университете поэту задали вопрос: является ли он членом партии? «Я приобрел массу привычек, несоместимых с организованной работой», - ответил Маяковский.

13 декабря поэт читал свои стихи в Центральном рабочем клубе. Это было самое последнее выступление Маяковского в Грузии.

**Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.**

Владимир Маяковский

Грузия всегда оставалась для Владимира Маяковского пристанью и родным домом, где ждут любящие и преданные друзья. В последние годы это чувствовалось особенно остро, не только самим Маяковским, но и окружающими его людьми.

Тициан Табидзе писал: «В 1928 году я встретился с Маяковским в Москве. - Куда идешь? - спросил он меня по-грузински. В те дни в Москве проходили юбилейные торжества, посвященные Л.Н. Толстому, на которые приехал Стефан Цвейг. На банкет были приглашены многие писатели, в том числе и я. Я ответил Маяковскому, что иду на банкет. Мне показалось, что он не в духе. - На банкет приглашен и я. Не уходите, побудьте со мной, у меня очень неважное настроение... Давайте пообедаем вместе. Я не мог ему отказать».

Владимир Мачавариани вспоминает: «В начале 1930 года, вернувшись из заграничной поездки, я тут же забежал к С.М. и О.В. Третьяковым - узнать о последних литературных новостях, об открытии отчетной выставки Маяковского «20 лет работы»... С.М. Третьяков подробно рассказал мне все, что творилось тогда с Маяковским. Прощаясь, попросил

меня: «Зайдите к Володе, повидайте его, растормошите его, расскажите о вашей поездке за границу, он вам будет рад, а если уедете отдыхать в Грузию, уговорите его, чтобы он поехал с вами, с ним творится что-то неладное, я очень за него боюсь»...

«Случайно узнаем, что сегодня по случаю двадцатилетия литературной деятельности Маяковского, устраивается его вечер, - писала в своих воспоминаниях Нато Вачнадзе. - Удивительно, что нигде нет никаких объявлений. Вечер начался вступительным словом очень юного комсомольца, честно старавшегося объяснить значение поэзии Маяковского для народа. И это - все. Больше не было ни докладов, ни выступлений. Потом вышел сам Маяковский. Он сказал: «Ну, что ж, как видно, сегодня не такой день, чтоб я мог говорить вам красные слова. Единственное, что я могу сделать, это прочесть вам свою новую поэму - «Во весь голос». Кончив читать, Маяковский резко, большими шагами вышел из зала. Я сейчас же пошла за ним. Он сидел в кафе за сто-

ликом один и был очень расстроен. «Да ну их к черту! Сколько бы там РАПП ни старался, все равно я буду жить и буду писать», - говорил он. Как я потом узнала, РАПП действительно старался сорвать выставку».

«...Теперь о выставке 20-летней работы Маяковского. Я вчера обедал с Наташей Вачнадзе и вместе с ней пошел на выставку... Аудитория была странная, никого из и от литературы, хотя выставка неофициальная, но все же юбилейная. Газеты безобразно замолчали этот юбилей. Не откликнулась ни одна газета, абсолютно. Ни одного хотя бы простого приветствия. Эта возмутительная стена сплошного замалчивания, как видно, очень сильно взволновала и обидела

его... Мне кажется, с ним что-то происходит» (В. Мачавариани. Из письма жене. 1930 г.)

Это были последние дни трагического периода в жизни Маяковского - периода «болей, бед и обид» и фатального ощущения собственного одиночества. В 1930 году отчаяние достигло в душе поэта предела.

Борис Пастернак писал: «Мы не имеем понятия о сердечном терзании, предшествующем самоубийству... Может быть, в заключение убивают себя не из верности принятому решению, а из нестерпимости этой тоски, неведомо кому принадлежащей, этого страдания в отсутствии страдающего, этого пустого, не заполненного жизнью ожидания».

▲ М. Булгаков на похоронах Маяковского

По трагическому совпадению одни из самых любимых друзей Маяковского - Николай Шенгелая и Нато Вачнадзе - виделись с ним накануне рокового дня, 13 апреля 1930 года. Шенгелая приглашал Владимира Владимировича в Грузию. Грузинские друзья и коллеги хотели отпраздновать юбилей поэта в Тифлисе, хотели перевезти из Москвы его выставку. Долго и подробно обсуждали предполагаемую поездку. Под конец Маяковский сказал: «После работы в Тифлисе, после публичных выступлений поеду в родное Багдади». Об этой же встрече писала Н.Вачнадзе: «13 апреля я и Шенгелая встретились с Маяковским в садике Дома Герцена на Тверском бульваре. Могла ли я думать тогда, что Маяковского на другой день не будет в живых? Маяковский и смерть - разве можно себе это представить? 14 апреля я вышла из дому по делу и вернувшись, застала у себя в комнате Довженко, Солнцеву и Шенгелая. По их лицам я поняла, что случилось что-то страшное, непоправимое. Через три часа мы все были на Таган-

▲ Москва прощается с поэтом

ке, куда перевезли тело Маяковского... Сдерживая дыхание, мы вошли в комнату Маяковского. Он лежал на низкой тахте. Его плечи, обтянутые белой рубахой, покрывали всю ширину тахты, ноги выдвинулись на пол-аршина за ее край. Накрытый одеялом, с подушкой под головой, он казался спящим. Я смотрела на его лицо, на всю его мощную фигуру, и не могла убедить себя, что это смерть...»

Грузия восприняла гибель поэта как огромное личное горе. Нина Табидзе вспоминала: «Смерть Маяковского ошеломила всех. Тициан в это время был в Сухуми. Узнав о смерти Володи, он прислал мне телеграмму: «Володи нет, не ручаюсь за себя». Удрученность и отчаяние чувствовали все его друзья и почитатели...»

До последней минуты Грузия ждала возвращения Владимира Маяковского домой, грузинские друзья неустанно напоминали поэту о своей любви и преданности, протягивали руку помощи. Не дождалась. Не смогли помочь.

**Я хочу быть понят
моей страной.
А не буду понят - что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.**

Владимир Маяковский

**...но чтобы душу дьяволу
- ни-ни.**

Владимир Высоцкий

Совершенно необъяснимым для современного читателя может остаться вопрос: почему же Маяковский оказался изгоем в своем Отечестве, почему был неприемлем для времени и страны?

Невозможно удержаться от очевидной параллели: Маяковский - Высоцкий. Мы не будем говорить о тех явственных различиях в поэтике и мировосприятии двух неповторимых поэтов, какие всегда есть между двумя субстанциальными творческими величинами. Тем более, что, как ни посмотри, Маяковский сам себе «предок», а Высоцкий, конечно, в большей степени потомок, ученик, чем учитель. Но сходство сопутствующих их жизни обстоятельств слишком велико, чтобы остаться незамеченным.

Может быть, пример Владимира Высоцкого, находящегося от нас на расстоянии одного рукопожатия, более ярко проиллюстрирует историю

▲ Владимир Маяковский

Владимира Маяковского, до которого от нас уже не одно рукопожатие, а три.

И Маяковский, и Высоцкий не были выскочками (упорными труженниками были оба), но настолько явно выламывались из общего строя, что были слишком (для времени и страны) заметными.

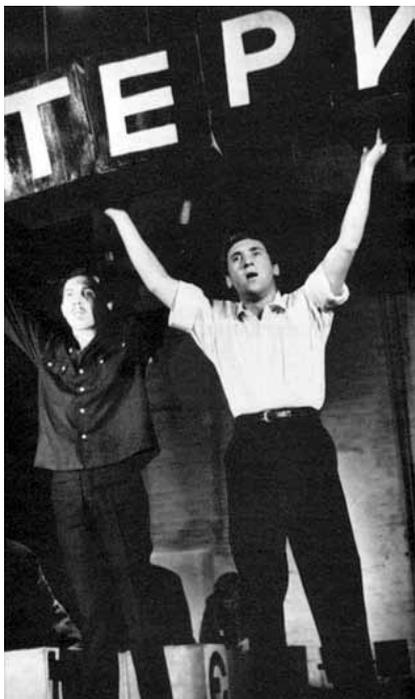
В них вообще, по ощущению власти, всего было слишком - таланта, бесстрашия, яркости и еще - очевидного равнодушия к этой власти. «Советская власть - обидчивая дама,

- заметил Сергей Довлатов. - Худо тому, кто ее оскорбляет. Но гораздо хуже тому, кто ее игнорирует...»

«Почему вы всегда пишете от первого лица?» - этот вопрос задавали и Маяковскому, и Высоцкому постоянно. «От чьего же лица мне писать? - отшучивался Маяковский. - От вашего? Если я люблю девушку, мне надо сказать ей «мы вас любим»? Она, в конце концов, может спросить меня: «А сколько вас?» Высоцкий отвечал серьезно: «Если я говорю «я», это не от ячества, а от

▼ Владимир Высоцкий

▲ В. Высоцкий в спектакле
«Послушайте!»

того, что в моих стихах есть только мой, не вычитанный, не заимствованный, а только мой собственный взгляд на этот мир, на эти проблемы...»

Высоцкий, как и Маяковский, чрезвычайно саркастично относящийся к недостаткам существующего строя, никогда не был ни диссидентом, ни революционером. За границей оба чувствовали себя ненужными, невостребованными, дома - зачастую одиночками. При этом - удивительное дело! - за рубежом Маяковского считали сотрудником ГПУ (а как же иначе - по два

раза в год ездит в Париж), а Высоцкого - причастным к КГБ (опять-таки - по два раза в год ездит в Париж). «В Париж мотает, словно мы - в Тюмень...»

Примечательно, что в 1928 году поэта не выпускали из страны, и уехать ему помогло только вмешательство Т. Табидзе и Б. Ломинадзе, а осенью 1929 года, когда Маяковскому жизненно важно было поехать в Париж - его ожидала Татьяна Яковлева, согласившаяся стать его женой, ему выехать не разрешили, а, к примеру, Осип и Лиля Брики в то же время беспрепятственно выехали в Лондон - у обоих были удостоверения сотрудников ГПУ. У Маяковского такого удостоверения не было.

Ни Маяковский, ни Высоцкий за рубежом ни разу не позволили себе бестактные высказывания в адрес своей страны, и поэтому, кстати, русские эмигранты в Америке были разочарованы выступлениями Высоцкого в 1979 году - в них не было и намек на диссидентские нотки. «Высоцкий - агент КГБ» - таков был общий безоговорочный приговор.

А в своей стране складывалась полярно иная ситуация. Маяковский и Высоцкий были очень самостоятельными людьми, очень независимыми и невероятно внутренне свободными, но происходило совершенно немислимое - одного попрекали тем, что он продался советской власти, а другого - тем, что он продался Западу, чтоб порочить советскую власть. «А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено?» - такую чудовищную записку получил Маяков-

ский на одном из выступлений в Москве (кстати, попутно заметим, что в Москве Маяковский выступал без гонораров - «У меня нет дорожных расходов», - объяснял он). О Высоцком сложили не менее чудовищное четверостишие: «Ему велели словом бойким / повсюду сеять грязь и плесень / и черпать из любой помойки / сюжеты ядовитых песен /».

Даже трудно себе вообразить, под каким гнетом жили эти два талантливых человека, для которых главной ценностью жизни было - только! - любить людей и заниматься любимым делом. Ничего нельзя сказать о восприятии Маяковским и Высоцким советского строя - они об этом не писали. При глубоком прочтении Маяковский оказывается несоветским поэтом. «Моя революция», - писал он в автобиографии, выделяя слово «*моя*» (это очень любили цитировать советские литературоведы). А ведь это означает только одно: *его* революция - то есть, революция как *он* ее понимает, какой *он* ее принимает.

Маяковский был, по сути дела, большой фантазер и романтик. «Их грезы перечеркивают явь», - сказал поэт - современник Высоцкого. Грезы Маяковского были грандиозны, были больше, чем реальность, были другой реальностью, для поэта - настоящей реальностью.

К концу жизни для Маяковского стало очевидно, что его романтические представления о революции и существующая советская власть - совершенно разные вещи. Коллеги-современники это почувствова-

ли. Именно поэтому его приняли в РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) с издевками и унижительными замечаниями - сохранилась стенограмма заседания. Василий Аксенов заметил: «Среди робкой, запуганной, низкорослой Москвы - он явился из космоса, из какого-то космоса... При сталинском режиме «агитатора, горлана, главаря» быть не могло. От этого веяло неудержимой революцией и колоссальным романтизмом».

И Маяковский, и Высоцкий, не будучи членами партии, полагали, что, все же, говоря словами героя пьесы Маяковского, «лучше умереть под красным знаменем, чем под забором», тем более - и это серьезно (и не имеет отношения к образу цитируемого героя) - если это знамя твоей родины, то есть главного места на земле. Не будучи коммунистами ни по убеждениям, ни по мировосприятию, оба были, по сути, коммунарами по образу жизни - любили жить, работать, выступать, отдыхать в дружеской компании. Не от тотального ли ощущения собственного внутреннего одиночества? И Маяковский, и Высоцкий занимались своим любимым делом, объездили всю страну и большую часть мира, немеренно много выступали, познали колоссальный успех у слушателей (причем оба обладали редким даром - умением общаться с большой аудиторией, что называется, «брать зал»), но, в общем-то, не получили того, что было для них значимым - официального признания и признания собратьев по поэтическо-

му цеху. «Разве Маяковский - пролетарский поэт? Разве Высоцкий - советский поэт?» - вопрошали власть предержащие современники, забывая, что слово «поэт» не нуждается в определениях - либо поэт, либо нет. Занимаясь исключительно публичным делом, оба, за- малчиваемые официальными структурами и коллегами, существовали в озвученном пространстве, как фантомы или подпольщики. Их все знают, о них все говорят, но их как бы и нет. А ведь какими благодарными читателями и почитателями талантливых современников были оба, как блестяще знали классику! Как хорошо знали и ценили одаренных людей, как искренне восхищались ими!.. И как часто в ответ получали молчание, отчуждение, пренебрежение... При этом - характерная особенность обоих поэтов - на подлость никогда (никогда!) не отвечали подлостью, и умудрились, не будучи, как говорится, ангелами, за всю свою жизнь не совершить ни одного недостойного поступка. Только досадное удивление переполняло обоих. «Ну что я им сделал? - горько недоумевал Высоцкий. - Луну у них украл, что ли?» Оба провидели свою посмертную судьбу, оба заранее отказывались от «бронзы многопудья», от «мраморной слизи», от «гранита» (и обоим это настигло). Оба полагались на потомков. «О чем вы мечтаете?» - спросили Высоцкого. Поэт ответил: «Чтобы помнили...» «Воскреси!» - обращался Маяковский к потомкам.

От нас, сегодняшних, до Владимира Маяковского расстояние по времени - меньше века. Голос его еще звучит в пространстве, солнце его поэзии стоит над нашими головами, и тень поэта ложится перед нами...

Да пребудет это вовеки. Да продлится жизнь после жизни.

О МАЯКОВСКОМ

Маяковский. Он просто любил будущее. Он искал кратчайшего расстояния к будущему.

Виктор Шкловский

«Было жаркое лето. Отчаянно палило взошедшее из-за гор солнце. Мы, деревенские мальчишки, весь день купались в Ханисцхали. Куда мы только не забирались... Пешком проходили по десять-пятнадцать верст. Короче говоря, стояла летняя жара, когда с другими детьми я пошел в Багдади по следам каких-то неизвестных мне людей, которые, видимо, намеревались глушить динамитом рыбу. Прошли мимо дома Джапаридзе в самом начале Багдади. Пошли дальше и как раз напротив дома, где жили Шарашидзе, заложили динамит. С трепетом ждал я, когда он взорвется. Время шло, а он не взрывался. - Не получилось, - крикнул кто-то. Разочарованные, уселись мы на берегу, и именно в этот момент из-за деревьев показался мой знакомый гимназист - Володя. - Не получилось, - повторил кто-то. - А кто достанет? Несколько ребят бросились в воду, но скоро вылезли на берег. Я поглядел на моего знакомого русского мальчика, который кивнул мне головой и улыбнулся, набрался смелости, нырнул, вытащил через несколько секунд динамит и поволок его к берегу... Я был счастлив».

Давид Чхеидзе (*Диа Чианели*)

«В родном селе»

«В сентябре 1904 года я познакомился с Маяковским. Володя был во втором классе. Он был старше меня всего на два года, но в отрочестве такая разница отчетливо бросается в глаза; к тому же он был рослый, крепко сложен. По школьным традициям ученики старших классов должны были опекать младших. Володя Маяковский считался вожаком второго класса. Однажды во время перемены я остался дежурным в классе и должен был следить, чтобы никто не заходил в комнату. Вошел Маяковский на правах старшего. Дав мне легкий щелчок по голове, он спросил, умею ли я рисовать, и принялся набрасывать мелом на доске разных животных и птиц. Рисовал он быстро...»

Колау Надирадзе

«Кутаиси и его люди»

«Помню эпизод, связанный со смертью Льва Толстого. Директор гимназии, обходя классы, предлагал не предпринимать никаких выступлений по этому поводу и, как полагается, угрожал. Тем не менее перед началом следующего урока, когда учитель взошел на кафедру, наш «вожак» громко и торжественно объявил о смерти великого писателя и призвал почтить его память вставанием. Пять минут длилась гробовая тишина. Опешивший учитель, не знавший куда себя девать, также молча простоял у кафедры».

Георгий Гачечиладзе

«Хорошие друзья»

«Маяковскому было 12 лет, когда началась революция 1905 года. Несмотря на отроческий возраст, Маяковский пламенно, горячо встретил события 1905 года. Он сблизился с теми же кружками, с которыми я поддерживал тесную связь. Именно этот период является лучшим периодом детства Маяковского. Бывает в жизни всякого поэта период, который «оставляет в душе живую память о себе», никогда не вычеркивается из памяти и красной нитью проходит через всю его жизнь».

Галактион Табидзе
«В школьные годы»

«Я знал Володю и всю семью Маяковских еще в 1903 году, когда жил и учился в Кутаиси. Позднее, уже в Москве, я долгое время снимал у Маяковских комнату и был в самых дружеских отношениях с Володей. В 1909 году, 2 июля, Маяковский был арестован полицейской засадой на моей квартире в Москве (1-ая Мещанская, дом № 49, квартира 12). Во время составления протокола, когда Владимиру Маяковскому пристав задал вопрос, кто он такой и почему пришел сюда, Маяковский ответил ему каламбуром: - Я, Владимир Маяковский, пришел сюда по рисовальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части. Общий хохот».

Исидор Морчадзе
«Каламбур»

«У студентов систематически проводились собрания, председателем которых обычно избирался Маяковский, всегда по-деловому руководивший ими. Помню, однажды на собрании разгорелся горячий спор между Маяковским и Александром Герасимовым. Они обсуждали вопросы живописи и наговорили друг другу много пылких слов. Герасимов говорил очень долго, а потом оглядел студентов и закончил свою речь: «Вот, друзья, теперь вам все ясно, видите, мы посадили Маяковского в калошу». Вдруг Маяковский вновь взял слово: «Разрешите мне ответить Герасимову из калоши». И блестяще опроверг все доводы оппонента».

Александр Цимакурдизе
«Эпизоды из студенческой жизни»

«В назначенный вечер (27 марта 1914 года в Тифлисе) я торопился к театру. Навстречу в толпе шел Маяковский. Он размахивал руками, разгребая толпу напрямик. Маяковский громко разговаривал, словно проспект был его личной квартирой. Вечерний город удивительно соответствовал его выразительному облику. Охваченный полосами электрического света, Маяковский прогуливался перед выступлением. Это входило в его привычки, так мне объяснил Бурлюк... На сцене Казенного театра были убраны все декорации. Позади - белый холст для демонстрации диапозитивов. Вдоль - длинный стол. Сбоку - открытая ка-

федра. На кафедре - нотный пюпитр. Футуристы сидели за столом. Бурлюк выдержал паузу. Потом приподнял со стола огромный колокол и, огласив зал его церковным звоном, предоставил слово Маяковскому. Маяковский швырнул феску на стол и, не оправив сбившиеся, взлохматившиеся волосы, вспрыгнул на помост с пюпитром. Он говорил, раскачиваясь всем телом. Его голос широко разлетался по залу».

Сергей Спасский
«Встречи»

«Весной 1914 года Маяковский выступил в Тифлисском оперном театре. Свою искрометную речь он начал на грузинском языке. Говорил точно, образно, и в ответ молодая темпераментная аудитория взрывалась громом рукоплесканий. С группой тифлиских поэтов Маяковский поднялся на гору Давида, господствующую над городом. Во весь голос он крикнул, обращаясь к сединам гор, к белеющему вдали Казбеку: - Вот это аудитория, отсюда можно разговаривать с миром!»

Николай Шенгелая
«В родной Грузии»

«В 1918 году я совместно с группой литераторов организовал в Москве на Тверской улице № 18 «Кафе поэтов». Публика появлялась здесь поздно, после окончания спектаклей. Стихи читали Маяковский, Есенин, Каменский, Брюсов, Северянин... Из артистов выступали Качалов, Хенкин, Утесов, Вертинский... Иногда Маяковский приходил ужинать в «Кафе поэтов» поздно и устало вздыхал: «Ничего не ел сегодня с утра, выступал одиннадцать раз, поэтому заказываю одиннадцать порций». Однако, поужинав, он выступал в двенадцатый раз, так как его обычно об этом горячо просили. Многие поэты, выступавшие с Маяковским, называли его «тигром». Говорил он просто и образно, а когда начинал читать стихи, зал замирал. Стихи Маяковский читал мастерски и держал зал в таком напряжении, что любой артист мог бы ему позавидовать. Уверенность в себе у него была колоссальная. Даже если большинство в зале было расположено к нему недружелюбно, он все же категорически заявлял: - Сейчас я вам прочту стихи, и вы как миленькие все будете мне аплодировать. И действительно, последние слова прочитанного стихотворения тонули в бурных аплодисментах».

Федор Дolidзе
«Живой образ поэта»

«29 августа 1924 года я по обыкновению просматривал поступившие в редакцию материалы. Около 12 часов открылась дверь и вошел художник Кирилл Зданевич. Его сопровождал незнакомый мне высокий, статный, мужественного облика человек. Своей внешностью он сразу приковывал к себе внимание. Кирилл, улыбаясь, представил ему меня.

- Знакомьтесь, это поэт-футурист...

Он еще что-то хотел сказать, но спутник прервал его:

- Футуризм устарел, сейчас Леф, - затем представился, - Маяковский!

Все это было для меня неожиданностью, хотя я много раз видел его на фотоснимках и представлял именно таким... В замешательстве протягиваю ему руку и предлагаю сесть. Он опустился на стул и показался мне еще крупнее. Он как-то уплотнил полупустую комнату. Я чувствовал какую-то неловкость, гость же сразу освоился, сказал:

- Приехал вчера вечером и вечером же познакомился с вашими друзьями - Николаем Шенгелая и Жанго Гогоберидзе. Хорошие ребята, они мне понравились.

Эти слова обрадовали меня, и неловкость исчезла, я стал чувствовать себя свободнее. Повеселел и Маяковский, воскликнул:

- Поэты - люди одной веры и одной нации. Все же вы выглядите слишком молодо для того, чтобы

быть редактором.

Я ответил, что не являюсь редактором, но что если он даст что-нибудь новое - буду очень рад, да и в глазах редактора возвышусь.

- С удовольствием, вот я написал стихотворение об одном старом друге, «Юбилейное», и пока оно будет опубликовано по-русски - переведите и напечатайте.

Я заинтересовался, о каком это друге идет речь? Он, улыбнувшись, ответил:

- Об Александре Пушкине.

Заметив мое смущение, Маяковский переменял тему, стал спрашивать о журнале. Я сказал, что в сентябрьском номере «Мнатоби» идут его стихи «Ода революции», «Приказ по армии искусств», «Сволочи», «Необычайное приключение...» и другие в переводах Паоло Яшвили. Поэт очень заинтересовался этим:

- Прочитайте мне, я смогу оценить качество перевода.

Я сразу же с вопросом:

- Разве вы знаете грузинский?

А он в ответ на чистейшем:

- Я, дорогой мой, кутаисец.

Для меня его грузинская речь была настолько неожиданной, что я осекся и смог лишь сказать:

- Я тоже кутаисец, учился в реальном.

Маяковский:

- Так что двое кутаисцев завтра же и просмотрят переводы.

Он действительно, как я убедился позднее, смог оценить качество перевода, свободно разобраться в их грузинском звучании».

Симон Чиковани

«Незабываемые встречи»

«Я помню Маяковского с большой палкой в руке, он мнет взмахами шагов версты улиц, иногда чуть слышно бормочет стихи. И другой образ - Маяковский на эстраде. Лучший из всех когда-либо слышанных мною чтецов. Властный покоряющий голос. Несравненное остроумие. В 1927 году, в его последний приезд, за городом, в Крцанисских садах все мы - грузинские поэты - собрались веселой компанией. Маяковский почти не пил, больше наблюдал, много и оживленно разговаривал. Вспомнил детство, Кутаиси, Багдади... В этот же вечер пришлось мне говорить с Маяковским о Есенине. Если в отношении Есенина к Маяковскому была какая-то нервность, иногда даже очень похожая на зависть, то Маяковский относился к Есенину более спокойно, как бы снисходительно. Даже полемизируя с ним, он щадил этого большого поэта. Вспоминая Маяковского и Есенина, я должен сказать, что Грузия воздействовала на них куда сильнее, чем это сказало в их творчестве. Первый не успел воспеть небеса Грузии, о чем он с такой болью в душе писал, и второму тоже не довелось пройти «грузинские кремнистые дороги». Я хорошо помню, как Есенин на квартире Тициана Табидзе возбужденно говорил нам о том, какую новую силу, новое движение в душе он ощутил в Грузии, о том, что он уже наметил план цикла стихов о Грузии. Это было накануне его смерти, в его последний приезд в Грузию».

Георгий Леонидзе
«Из автобиографии»

«В конце августа 1924 года на проспекте Руставели мне встретился знакомый художник и сказал: - Приехал Маяковский, пойдем я тебя познакомлю. - Что ты говоришь! - воскликнул я, и мы отправились в гостиницу «Ориант». Маяковский занимал номер на втором этаже. Видно было, что поэт приехал только что - он переодевался и раскладывал вещи... Маяковский говорил и в то же время раскладывал на столе, на подоконнике, на комодке папиросные коробки, обрывки газеты, бумажные салфетки... Я был удивлен, не мог понять, что он делает. Так, последовательно разложил он эти странные вещи, оглядел их с начала до конца, потом извлек из кармана записную книжку и стал переписывать с разложенных предметов отдельные слова, строчки. Оказывается, у него была привычка, сочиняя стихи (а писал он везде - в дороге, в поезде, в машине), записывать приходящие в голову строчки на всем, что попадалось под руку... - Простите меня, - извинился Маяковский, - если я сейчас же не перепишу стихотворение, потом не смогу разобраться в этих вещах или потеряю какую-нибудь строку».

Акакий Белиашвили.

Как родилось стихотворение
«Владикавказ - Тифлис».

«Я был приглашен нашей известной киноактрисой Нато Вачнадзе на ужин. В тот вечер у нее было много гостей, и среди них Маяковский. Естественно, речь зашла о кино. Маяковский, неизменно увлеченный сценарной проблемой, строил всевозможные планы, мечтал создать фильм о незаметном, ничем не примечательном человеке, постепенно приобретающем новые достоинства и поднимающемся во весь свой рост. Владимир Владимирович читал нам свои новые стихи. Я был не в духе, потому что на следующий день мне предстояло лечь на операцию, и слушал его молча и хмуро. Маяковский заметил это и вдруг, обращаясь ко мне, стал читать свои ранние лирические стихи: «Скрипка и немножко нервно», «Хорошее отношение к лошадям» и другие, чтобы как-то расшевелить меня, вывести из подавленного состояния».

Демна Шенгелая

«Он умел дружить и сплачивать»

«Неизгладимое впечатление произвели на меня первое личное знакомство с Маяковским, его манера разговаривать, безупречный такт, абсолютная добропорядочность, прямо-таки магнетического тембра голос. Был он сверхъестественно чистоплотен. В жизни не встречал я второго такого мужчину, который был бы так чист не только душой, но и всей внешностью. Едва ли кто-нибудь когда-либо видел Маяковского небритого, немытого. Он всегда был в белоснежной рубашке, одет небрежно, но с большим, тонким вкусом. Ел он всегда мало, пил в меру. Ничего в нем не было от богемы; это был подтянутый, вечно думающий, трудящийся человек... У В. Маяковского была просто феноменальная, поразительная память на стихи. В Тбилиси небольшой компанией вместе с Маяковским мы спустились в прославленный в свое время ресторан «Симпатия», который помещался в подвале на Пушкинской улице. В ресторане мы застали Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, не припомню других, были там гости и из Москвы. Паоло Яшвили, прекрасный поэт, прославленный тамада, не раз обращался к Маяковскому, говорил тосты и много декламировал, читал стихи и Тициан Табидзе. Сложилось впечатление, что «голуборожцы» вызывали на поэтическую дуэль Владимира Владимировича. Владимир Владимирович сначала отшучивался, вроде как балагурил, но потом как-то встряхнулся, и началось нечто не-

обычайное: он запоем читал Пушкина, Лермонтова, Блока, Северянина, Пастернака, Есенина, забытые стихи Бунина, строки Фета, Тютчева, это был каскад поэтического слова. Все слушали зачарованные. Паоло и Тициан с восхищением глядели на Володю. Я за всю мою предыдущую и последующую жизнь никогда не слышал сразу столько стихов. Если это было соревнование, то победу одержал Маяковский. Радостный, полный волнения Паоло подошел к Маяковскому и крепко обнял его. Маяковский был поэтом настоящего интернационального нутра. Он любил свое Багдади, его синие небеса. Этот человек, умевший не раскисать, быть собранным, дисциплинированным, знавший себе цену, часто говорил нам, грузинским товарищам, что скучает по Грузии, по своей родине, скучает по Кутаиси, что ему так хочется побродить не по Парижу и Бродвею, а по окрестностям Багдади...»

Владимир Мачавариани

«Революцией мобилизованный
и призванный»

«В начале декабря 1927 года Маяковский приехал в Тбилиси. При встрече я показал ему рисунки к его детской книжке «Что ни страница, то слон, то львица». Он остался доволен ими, поставив лаконичную надпись: «Печатать. Маяк.» (Книжка вышла в свет в марте 1928 года). Мои родители и я пригласили Маяковского вместе с нашими общими друзьями к нам домой. Вечер удался на славу. Владимир Владимирович был весел, но как только его взгляд останавливался на картинах Нико Пиросмани, он переставал шутить и восторгался ими. Мы пели за столом, а затем кто-то сел за пианино, и Володя с грацией медведя танцевал фокстрот и другие танцы, исполняя их на один лад. Он не переставал веселиться, заражая всех своей жизнерадостностью. Такого Маяковского я до сих пор не знал - непосредственного, с огромным запасом оптимизма и ясностью души».

Кирилл Зданевич

«Он полюбил Пиросмани»

«В Москве я остановилась у Фатмы Твалтвадзе. Комната у нее была маленькая, два-три человека помещались там с трудом - не иначе как сидя. Прошло некоторое время, прежде чем я решилась позвонить Владимиру Владимировичу. «Где вы, откуда? Я к вам подъеду сейчас же», - загудел в телефоне его сильный голос, и действительно, не прошло и получаса, как Маяковский уже был у нас. Его огромная фигура никак не умещалась в нашей комнате, и мы его поспешно усадили. «Ну ладно, согласно приличиям, мой официальный визит к вам закончен. - смеялся Маяковский, - а теперь - поехали я покажу вам мою Москву». Мы ехали по Ленинградскому шоссе в такси старого образца, кузов его был тесен для Маяковского. Скрестив руки на груди, он говорил со мной. - Если вы хотите серьезно отдаться своей профессии, то нужно отодвинуть на второй план ваши личные отношения, семью, иначе засосет она вас или будет постоянно отвлекать, - говорил Маяковский... Через день в назначенное время я пришла к Владимиру Владимировичу на Лубянку, чтобы вместе отправиться на его вечер в Политехнический музей. Он жил отдельно от своих друзей, помещавшихся на Таганке. Комната его была невелика и очень просто обставлена: с первого же взгляда становилось ясно, что хозяину ее «краснодеревщики не слали мебель на дом». Но все же в этой комнате был камин, стоял хороший письменный стол. Не было никаких фотографий. На столике, возле

тахты, лежал томик Пушкина. - Вот все на меня сердятся за мои стихи без ямбов, а ведь без Пушкина я не засыпаю, - сказал Маяковский. Он был грустен, задумчив, ему не хотелось идти на вечер. Но на трибуне он всегда преобразался - становился острословом, поражал своей находчивостью... Однажды он пригласил меня в Пушкино, на дачу к Брикам. Был выходной день. В дом приехало много гостей. Маяковский был расстроен: «Мне хотелось отдохнуть сегодня, провести с вами день, а сюда понаехало столько людей - от них и в Москве покоя нет». На даче была собака - английский бульдог. Маяковский стал с нею играть, дразнил ее, клал руку ей в пасть. Его предупредили, что бульдоги отличаются мертвой хваткой. «Вот этого мне и надо», - нервно ответил Маяковский...»

Ната Вачнадзе

«Владимир Маяковский»

ВОЗВРАЩЕНИЕ
АЯКОВСКОГО

М

**Может,
я
один
действительно
жалею,
что сегодня
нету вас в живых.**
Владимир Маяковский.

Будем откровенны. Последние годы жизни поэта были крайне тяжелыми. Начиналось время несправедливого отношения к Маяковскому, которое продлилось на долгие годы.

Неоднозначному восприятию собственной личности человек, если он личность, никогда не удивляется. Но несправедливость обескураживает всегда. Особо ранимых несправедливость может повергнуть в отчаяние. Маяковский был ранимым.

Отношение к Маяковскому, конечно, всегда было разным. Так, Пастернак и Маяковский, очень ценившие и любившие друг друга, в начале 20-х просто разошлись в разные стороны, а, к примеру, Марина Цветаева в 1928 году дарит Маяковскому книгу своих стихов с надписью: «Такому, как я, быстроногому...» Если В.Шкловский и К.Чуковский исследовали творчество поэта внимательно, объективно и показали образцы блестящего анализа, то авторы многих публикаций о нем в 20-е годы состязались в оскорбительных

резкостях и пошлом злословии.

Маяковский - «такой большой», самый заметный, самый непохожий, самый бесстрашный - стал огромной мишенью. В чем его только не упрекали в последние годы жизни, чем только не попрекали!.. Недоброжелателей раздражало все: дворянское происхождение, высокий рост, хороший вкус, чистоплотность, неизменная трость в руках, автомобиль «Рено», поездки за границу, постоянные выступления по стране, даже сердечные привязанности... Хотя Маяковский никогда и никому не перешел дороги. У него была своя.

▲ Дом-музей Владимира Маяковского в Багдади

Маяковский - человек, который не был похож ни на кого, не напоминал никого, даже в мелочах. Он жил исключительно собственной жизнью и исключительно самостоятельно и в творчестве, и в быту. Но если недалекость невеликодушных современников объяснима, то равнодушие потомков - непростительно. Тем более, по верному замечанию Ю.Карабчиевского, «у Маяковского нет предков. Он сам предок. Маяковский силен потомками». Потомки оказались неблагодарными и забывчивыми. Потомки ленились думать и судить о поэте по его стихам. Они предпочитали тяжелые, командные клише - «рупор», «глашатай»... А ведь сам Маяковский не имеет никакого отношения к подобным определениям, похожим на гвозди, вбитые в гроб. Точно и емко написал Б.Пастернак: «Были две знаменитых фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи... Маяковского стали вводить принудительно, как картошку при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен».

Прислушаемся к Маяковскому, попросившему будущее поколение: «Воскреси!» Будем вспоминать не только однодневки-зарисовки, которые сам поэт считал лишь работой чистильщика, лишь мощным, чтоб услышали, откликом на злобу дня (а не откликаться он не мог - уж очень неравнодушный был человек). Будем судить по вершинам мастерства, им покоренным, по его блиста-

тельными произведениями.

Советский Союз распался, а Маяковский выжил без натуги. Он отряхнул с себя насильно навешанный на него ярлык советского глашатая и предстал тем, кем был всю жизнь - Поэтом.

Пора забыть о второй, принудительной смерти Маяковского. Поэт входит в историю искусства, представляя - как пропуск в бессмертие - самое настоящее, самое лучшее.

После развала СССР юбилей Маяковского проходили не очень заметно. Разве что к 100-летию со дня рождения поэта в России выпустили юбилейный рубль.

Постепенно сошли на нет легендарные Дни Маяковского в Багдади. Потом усилиями энтузиастов-общественников они потихоньку возобновились, но, само собой, в очень узком формате.

Переломным стал 2008 год. Именно тогда по инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» в Грузии в широком международном масштабе отпраздновали 115-летие со дня рождения Владимира Маяковского. На II Международном русско-грузинском поэтическом фестивале, на который съехались 50 поэтов из 21-й страны, юбилей поэта стал главным событием. Участники фестиваля возложили цветы к памятнику Маяковского в Тбилиси

▲ Участники Международного русско-грузинского поэтического фестиваля у памятника Маяковского в Тбилиси. 2008 г.

(надо признать это было редкое по массовости зрелище - на радость тбилисцам), а 19 июля в Доме-музее поэта в Багдади состоялся большой поэтический праздник.

К юбилею «Русский клуб» выпустил буклет «Возвращение. Маяковский в Грузии», а также аудиодиск «Послушайте!», на котором известные артисты тбилисских театров читают стихотворения поэта на русском языке и в переводах на грузинский. И буклеты, и диски разлетелись мгновенно, и сегодня являются абсолютным раритетом. Скорбная деталь - свои любимые стихи Маяковского для этого диска записал

Нико Гомелаури - культовый артист и поэт, любимейший актер Грибоедовского и Свободного театров, которого меньше чем через год не стало...

Но особо примечательным стало, пожалуй, следующее событие. За четыре месяца до юбилейной даты журнал «Русский клуб» забил тревогу - оповестил общественность о бедственном положении, в котором находится Дом-музей Маяковского в Багдади, и опубликовал следующую статью В. Саришвили.

МУЗЕЙНЫЙ ВОПРОС-ТО РЕШАЕТСЯ ПРОСТО

Юбилейные торжества, связанные со 115-летним юбилеем одной из ярчайших фигур мировой поэзии XX века, уроженца Грузии Владимира Маяковского, займут одно из центральных мест в программе II Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, который пройдет в июле в разных городах Грузии. На Дни поэзии съедутся десятки представителей русской язычной поэзии. Ожидаются гости почти из двадцати стран. В их числе - известные каждому, хоть немного знакомому с современной русской

поэзией имена - Римма Казакова и Евгений Евтушенко, изъявивший желание отметить свое 75-летие в Грузии.

Насыщенная программа фестиваля порождает множество требующих безотлагательного решения технических вопросов, над которыми работает специально созданная комиссия, возглавляемая инициатором и главным организатором проведения фестиваля, президентом Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николаем Свентицким. Разумеется, посещение Дома-музея Владимира Маяковского в его родном селении Багдади близ Кутаиси, поэтические

чтения в местах, связанных с детством величайшего реформатора русского поэтического слова, займут одно из главных мест в программе фестиваля. И необходимо принять срочные меры по приведению в надлежащий порядок дома семьи Маяковских и окружающей его территории.

Но прежде чем мы поведем разговор об этом с председателем правления Международного Союза русских общин «Соотечественники» по имеретинскому краю, инженером-строителем Георгием Анатольевичем Томашем, вкратце обрисует историю вопроса. Прадед поэта, Константин Кириллович Маяковский переехал из Херсонской губернии с сыном Константином, выросшим в окрестностях Кутаиси и прочно связавшим свою судьбу с Грузией женой на Евдокии Осиповне Данилевской. У них было пятеро детей. В 1889 году 32-летнего отца поэта, Владимира Маяковского, перевели в Багдади на должность лесничего. Здесь он, прибывший с семьей, снял три комнаты у местного жителя Константина Кучухидзе. Дом сохранился до наших дней в своем первоначальном виде вместе с обстановкой кабинета отца Маяковского и спальни, где 19 июля 1893 года родился будущий поэт.

Активное участие в подготовке музея к открытию, состоявшемуся в 1940 году, приняли мать Маяковского Александра Алексеевна и его сестры, Людмила и Ольга. Они передали музею личные вещи отца поэта: очки, дорожный стакан, кор-

тик, медаль за участие в переписи населения 1897 года, пепельницу, предметы мебели, посуду, ковер, керосиновую лампу, настольные игры, настенные часы, домашнюю библиотеку, кубышки-копилки и другие предметы домашнего обихода, в числе которых и любимая чайная чашка маленького Володи. Другие предметы, которыми пользовалась семья Маяковских, были приобретены государством у наследников хозяина дома Кучухидзе, которые по сей день являются хранителями музея. Это мебель, граммофон, железная кровать, олени рога... Все эти предметы были расположены в комнатах по указанию матери и сестер Маяковского. Экспозиция на редкость богата. Здесь представлены стенды, посвященные детству поэта в Багдади и его ученическим годам в Кутаиси, собрано множество фотографий предков, членов семьи и друзей Маяковских.

После трагической смерти отца Маяковского от заражения крови семья вместе с 12-летним Маяковским переехала в Москву, и дальнейшая, также весьма многообразная экспозиция музея, касается творческой, революционной и общественной деятельности поэта за пределами Грузии.

Вернемся теперь к современному положению дел в Доме-музее Маяковского, о котором рассказывает Георгий Томаш:

- Годы депутатства бывшего посла Грузии в РФ Важи Лордкипанидзе благотворно сказались на жизни Дома-музея, - рассказывает

Георгий Анатольевич, - удалось под-ремонтировать многое из того, что нуждалось в обновлении. Но с тех пор прошло уже немало лет, и музею требуются новые ремонтно-восстановительные работы. Тем более принимать столь представительную зарубежную делегацию в месте, где просто отсутствуют санузлы, мягко говоря, неприлично. Обвалился забор, окружающий дом, на прилегающей территории необходимо установить новые скамейки. Печальный факт - из музея украдена люлька Маяковского. Подозрения падают на одного из его родственников, посетивших музей несколько

лет назад, но доказать ничего невозможно, как и напасть на след бесценной реликвии. Но это прямого отношения к проблемам ремонта здания не имеет. Как и другая проблема, о которой следует упомянуть. Даже с учетом политических реалий последних лет кажется абсолютно нелогичным переименование улицы Маяковского в Кутаиси в Ньюпортскую. Исторически справедливым было бы и организовать кабинет Маяковского в кутаисской первой школе, где он учился. Сейчас она носит имя духовного отца грузинской нации Ильи Чавчавадзе, но память о Маяковском в этом здании должна быть сохранена. Мы также будем ходатайствовать перед Католикос-Патриархом Илией II о перенесении из Кутаиси в Багдади праха отца Маяковского и его 3-летнего брата Константина и захоронении их во дворе Дома-музея, поскольку эти могилы находятся фактически без присмотра. Кроме того, нуждается в реставрации памятник Маяковскому при въезде в Кутаиси.

- Вернемся к разговору о Доме-музее. Слова, вынесенные нами в заголовок статьи и написанные Маяковским, правда, по другому поводу, отражают реальное положение дел? Много ли средств нужно для приведения в надлежащий порядок музея и прилегающей к нему территории?

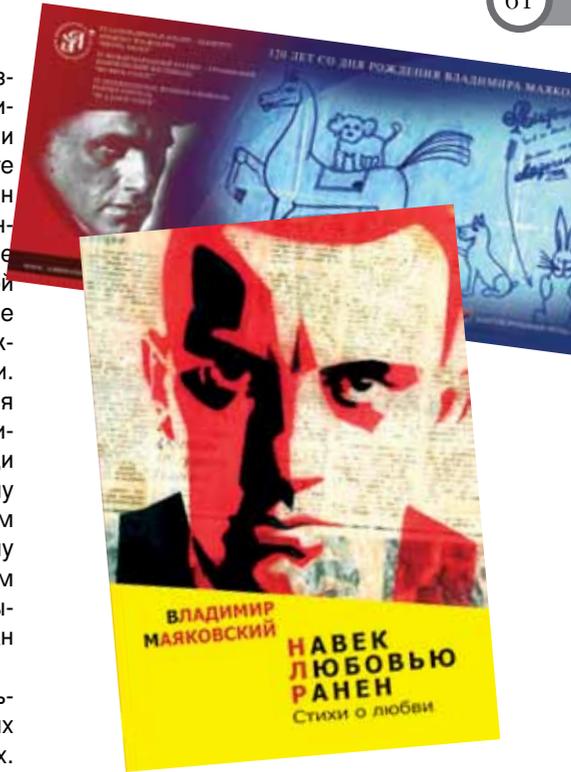
- Рядом с этим историческим памятником протекает река, и понятно, что для защиты от вредоносного воздействия подземных вод, необходимо залить основание здания

бетоном. Деревянные покрытия разрушаются червями-древоточильщиками и нуждаются в пропитывании специальным составом. Прибавьте к этому работы по покраске стен музея, установку стекол для стендов и новых светильников, и прочие мелкие, но важные для полноценной реставрации музея детали. На все про все, по нашим подсчетам, нужно выделить около 23 тысяч лари. «Русский клуб» и наша организация уже обратились с соответствующими письмами об оказании помощи к вице-спикеру парламента Михаилу Мачавариани и местным властям Имерети. Надеемся, что к началу фестиваля голос людей, которым небезразлична память о нашем выдающемся земляке, будет услышан в высоких кабинетах.

Маяковский оставил трогательные воспоминания о своих первых «багдадских» детских впечатлениях. Вот несколько фрагментов: «Первый дом, вспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний - наш. Нижний - винный заводик. Раз в году - арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами... Крепость очетыреугольнивается крепостным валом. В углах валов - наматы для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и скалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу...»

Даже из этих фрагментов явствует, насколько теплые чувства сохранил Владимир Маяковский к своей родине, Грузии, языком которой сво-

бодно владел, и куда приезжал и после того как переехал в Москву, где началась его литературная деятельность, по размаху которой и силе таланта Маяковского даже его недоброжелатели причисляли к числу титанических фигур русского искусства. И, думается, дань уважения памяти нашему выдающемуся земляку в дни его юбилея, должна быть отдана сполна. Поэты скажут свое слово. Важно, чтобы оно прозвучало не на фоне обшарпанных стен и разваленного забора. А вот здесь уже слово за нашей законодательной и исполнительной властью.

▲ Георгий Томаш и участники Международного русско-грузинского поэтического фестиваля у памятника поэту в Кутаиси. 2013 г.

После публикации результат не заставил себя ждать. Правда, на призыв «Русского клуба» не откликнулись ни законодательная, ни исполнительная власть страны. А Международный Благотворительный фонд «КАРТУ» откликнулся и сделал дело без лишних слов - в кратчайшие сроки здание дома-музея было отремонтировано, прилегающая к нему территория благоустроена, барельеф поэта отреставрирован.

Спустя 5 лет участники VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, традиционно организованного Союзом «Русский клуб» (на этот раз было 85 участников из 32 стран) праздновали 120-летие со дня рождения Владимира Маяковского. Фестиваль прошел под говорящим названием «Во весь голос».

В журнале «Иные берега» (№4, 2013) И. Безирганова писала: «Широко отметили 120-летний юбилей Владимира Маяковского. В Кутаиси, на сцене Театра имени Л. Месхишвили, актеры Театра имени А.С. Грибоедова сыграли спектакль «Маяковский» в постановке Автандила Варсимашвили. Это документальная драма, посвященная жизни и творчеству «агитатора, горлана, главаря». Перед нами открывается широкая историческая панорама, на фоне которой вырастает фигура великого поэта. В прологе и в финале Маяковский (Вано Курасбедиани) - как мифологический герой, титан приводит в движение махину сценической конструкции - словно вращает жернова истории, словно несет тяжелый груз своей судьбы - поэтической и личной. Эта метафора сродни масштабным, гиперболическим образам поэзии Маяковского. В спектакле сильна «грузинская» составляющая - подчеркивается, что Владимир Маяковский никогда не забывал о своих корнях, родном Багдади. Не зря Галактион Табидзе писал: «Маяковский обязан природе Имеретии. Темперамент Маяковского подобен темпераменту имере-

тинца. Все творчество Маяковского темпераментно». «Ты знаешь, как жарят шашлыки в Грузии?» - этот вопрос задал Маяковский своей возлюбленной Веронике Полонской накануне самоубийства. Авто Варсимашвили показал трагедию поэта, всю жизнь наступавшего «на горло собственной песне». Как сказала Марина Цветаева, «двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского поэта, на тринадцатый год поэт встал и человека убил».

В день рождения поэта гости фестиваля посетили Дом-музей Владимира Маяковского в Багдади, на празднике поэзии «Я в долгу перед вами, багдадские небеса!» состо-

ялась презентация лирического сборника Владимира Маяковского «Навек любовью ранен». Это издание МКПС «Русский клуб». Руководитель проекта - президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, составитель сборника и автор сопроводительных текстов - Владимир Головин, редактор - Александр Сватиков. В книгу вошли стихи, посвященные любимым женщинам Маяковского: Марии Денисовой, Софье Шамардиной, Лиле Брик и Татьяне Яковлевой, приводятся редкие фотографии Эльзы Триоле, Натальи Брюханенко, Элли Джонс и Вероники Полонской.

Состоялась и презентация документального фильма «Дочь поэта»

▼ **Гурам Одишария у Дома-музея поэта в Багдади. 2013 г.**

▲ **Премьера спектакля театра им. Грибоедова «Маяковский». Кутаиси. 2013 г.**

▲ Маяковский в Нью-Йорке. 1925 г.

режиссера Наны Гонгадзе (США) - о живущей в Нью-Йорке дочери Маяковского Патрисии Томпсон. А художественный фильм 1918 года «Барышня и хулиган» с участием Владимира Маяковского позволил воочию увидеть поэта и оценить его актерские способности».

Следует особо подчеркнуть, что известная журналистка Нана Гонгадзе специально прилетела из

США, чтобы презентовать на поэтическом фестивале в Грузии свой документальный фильм «Дочь поэта». Автору картины удалось снять и смонтировать картину, в основу которой легли воспоминания дочери поэта - американки Патриции Томпсон, проливающие свет на реальные события, происшедшие с Владимиром Маяковским в период его трехмесячного пребывания в США в 1925 году. О ее существовании долгие годы не догадывались даже крупнейшие знатоки и наиболее страстные поклонники творчества Владимира Маяковского. Она появилась на свет в Нью-Йорке 15 июня 1926 года. Ее мать, Елизавета Петровна Зиберт, позднее Элли Джонс, была российской эмигранткой из башкирского селения Давлеканово. Тайну рождения дочери она хранила на протяжении 60 лет.

Специально для журнала «Русский клуб» Нана Гонгадзе предоставила эксклюзивное интервью с Патрицией Томпсон.

ДОЧЬ ПОЭТА

Американская дочь Владимира Маяковского живет в манхэттенском районе Вашингтон-Хайтс, в комплексе «Хадсон Вью Гарден». Дому лет восемьдесят, это чуть меньше чем хозяйке. Снаружи он больше смахивает на средневековую крепость, из-за венчающего его крышу шпиля и облицовки из тяжелого серого камня. Патриция легко переносит одиночество в трехкомнатной квартире. Ее единственный

сын Роджер с семьей поселился по соседству. Она живет на первом этаже, и, по ее мнению, это очень удобно: встречая гостей, она сама открывает им дверь. Достаточно одного взгляда, чтобы удостовериться в ее сходстве с великим родителем, Владимиром Маяковским. Те же большие, черные с блеском глаза, крупные резкие черты лица и гордая осанка. «Пожалуйста, зовите меня по-русски - Еленой Владимировной», - предлагает она. На Патриции черные брюки, черная декольтированная блузка, дополненная кулоном из агата, прядь

▼ **Елена Зиберт (Элли Джонс)**

густых и длинных волос с сединой подхвачена кокетливым черно-белым бантом, длинные серьги удачно гармонируют с ярко-красной губной помадой.

Вокруг все напоминает о Маяковском - знаменитый отец представлен множеством плакатов, фотографий, рисунков. «Трудно быть в тени гениального предка, но я тоже гениальна в своем роде», - замечает Патриция.

Ей нравится, когда к ее фамилии добавляют титул «доктор», ведь она действительно доктор философии, автор 15 учебников для детей, консультант образовательных программ, профессор Нью-Йоркского университета. «Я хотела всем доказать, что я не только дочь Маяковского, но и сама могу чего-то добиться в жизни. Хотя моя мать сыграла большую роль в моем воспитании, она день и ночь трудилась, стала ученым, исследователем, способствовала продвижению русской культуры в Америке, ее даже называли здесь русской принцессой, а мама только смеялась над этим...»

- Как ваша мать, девушка из далекого Приуралья, оказалась в Америке?

- В октябре 1917 года большевики отобрали у моего деда все имущество, семья была вынуждена спасаться бегством и поселилась в Канаде. Моя мать еще до революции нашла работу в Самаре, служила переводчицей в американской организации помощи голодающим, затем были Уфа, Москва, там она вышла замуж за английского экономиста Джорджа Джонса. Он увез

▲ Две Елены

ее сперва в Англию, потом в Америку. Спустя два года они разошлись. К моменту встречи с Маяковским мама не имела официального развода, так что Джордж Джонс поставил свое имя в моем свидетельстве о рождении, чтобы сделать меня законнорожденной, за что я всегда была ему благодарна.

- Как известно, Маяковский приехал в Америку в июле 1925 года.

- Да, 27 июля, сразу после своего 32-летия. Мама говорила, что он был просто неотразим. Она вспоминала его как веселого человека, с которым легко и приятно общаться. Он не был в жизни таким серьезным, каким кажется на некоторых фотографиях. Мама часто просила меня не винить его ни в чем. И я не виню.

- Где они встретились?

- В Нью-Йорке, на поэтической вечеринке. Мама пришла туда со своей приятельницей. Маяковский не говорил по-английски, поэтому и уделил больше внимания русскоговорящей девушке. Позже он пригласил к себе небольшую группу друзей, в том числе и маму. Рано утром предложил сходить всем вместе к Бруклинскому мосту. Целый день они провели вместе с мамой и, как она говорила, не расставались до его отъезда. Он сгорал от страсти, они гуляли, слушали джаз, обедали в русских ресторанах, тогда и появились его известные строчки:

Нам смешны дозволенной зоны,
взвод мужей, остолбеней,
цинизмом поражен!

Мы целуем беззаконно! -
над Гудзоном
ваших длинноногих жен.

Он придумал маме ласковые прозвища Лозочка, Елкам, Елкич. А так он был по натуре однолюб, каждый раз любил только одну женщину, но недолго... (смеется)

- Когда вы узнали, что вы дочь из-

вестного поэта Маяковского?

- Я точно не помню дату, в принципе все знали - и я, и мама, и мой отчим, и два очень близких друга нашей семьи, но они вели себя очень осторожно, чтобы ничем не смутить нас, не поставить в неловкое положение. Перед смертью матери, в 1985 году, я попросила ее записать все воспоминания на пленке, совсем как журналист задавала ей уйму вопросов, чтобы осмыслить и понять все, что произошло с ней во время встречи с Маяковским. Я до сих пор храню эти записи. Когда мамы не стало, я поняла, что пришло время оповестить общество о себе как о дочери Маяковского. Но прежде чем сделать это, решила сама достичь чего-то в жизни, но под своим именем, под именем Патриции Томпсон.

Она создала стройную систему семейной жизни, посвятила десятки трудов социальной тематике, вопросам семьи и быта. Она известна как «философ быта» и лидер теории гестийанского феминизма.

- К своему удивлению позднее я обнаружила, что меня, как и Маяковского, интересовала идея формирования нового человека, его лучшее будущее, наши взгляды во многом сошлись. Оказалось, что я, совершенно неосознанно, шла по тому же пути. Речь не идет о поэзии, а о социальной справедливости.

- А что было потом, я имею в виду взаимоотношения матери и Маяковского?

- Ко времени его отъезда мама не была уверена, что зачала ребенка, но они договорились хранить молчание про их близость. Для этого было много причин. Мама не имела развода, хотя уже не жила со своим мужем-англичанином. Но все же нельзя было не считаться с общественным мнением. Последнюю ночь они провели вместе. Мама проводила его, но в порт, откуда отчаливал пароход, не пошла. Когда она вернулась домой, увидела, что вся ее постель устлана множеством фиалок. Маяковский потратил последние деньги на цветы. Да, это была действительно романтическая любовь, короткая, но и трагическая. Тогда даже думать об их дальнейшей совместной жизни было невозможно. Ведь мой дед был изгнан из России.

- Несколько слов о ваших предках, пожалуйста.

- Семьи Зибертов и Нейфельдтов, со стороны бабушки, были приглашены из Германии в Россию императрицей Екатериной Великой для оказания помощи в освоении новых земель и строительстве фабрик. Дед матери был богатым землевладельцем. Отец матери, Питер Генри, родился в Украине, а мать в Крыму. Занимались производством зерна. Были христианами, менонитами, пользовались уважением за трудолюбие, честность. Владели поместьями, так что смогли дать детям приличное образование. Моя мама говорила на четырех языках, родным для нее был русский, она знала немецкий, французский, английский.

▲ Елена Владимировна Маяковская
(Патриция Томпсон)

Когда ей встретился Маяковский, она уже переводила стихи Рильке, Гете. Мама была хорошей собеседницей для Маяковского. Их влекло друг к другу не только физически, но и духовно.

- Имеется ли в вашей семье талант к написанию стихов и какое из произведений Маяковского ваше любимое?

- Мне очень нравится «Облако в штанах». Сказать, что кто-то унаследовал его талант, было бы неверно, но к 110-й годовщине отца я написала стихи и назвала их «Вот, я здесь». Мама рассказывала, что когда Маяковский явился к ней в Ницце, то у

самого порога громко возвестил о своем появлении словами: «Вот, я здесь!»

- Маяковский поселился в Нью-Йорке на севере Манхэттена, в Бронксе, в семье своего близкого друга Давида Бурлюка. Мама бывала у них?

- Да, он часто брал маму к Бурлюкам в Бронкс. Есть известная фотография, изображающая Элли Джонс на крыше дома Бурлюка. Его жена тоже была родом из Башкирии, из Уфы, так что у нее было много общего с мамой. Бурлюк нарисовал замечательный портрет моей матери, я его бережно храню...

- Известно, что Маяковский хорошо говорил по-грузински, ваша мать что-нибудь говорила об этом?

- Одна трогательная история, рассказанная матерью, убеждает в том, как Маяковский гордился своей принадлежностью к Грузии. Оказывается, он порой останавливался на одной из улиц Нью-Йорка, вскидывал руки и начинал громко голосить по-грузински. Проезжающие мимо такси останавливались, в те годы многие грузины работали таксистами, они собирались возле него, с интересом слушали, он был счастлив. Потом все шли в ресторан. Грузинского тогда не было, шли в армянский. Думаю, на темперамент Маяковского в каком-то плане повлиял тот факт, что он рос в Грузии. Он часто бил себя по груди и восклицал: «Я грузином рожден!» Я хорошо понимаю его, он был очень независимым, честным, искренним, любящим человеком, даже неж-

ным. Именно такие качества я нахожу во многих грузинах, с которыми общаюсь здесь. Тем не менее, меня очень огорчает факт возвращения поселку Маяковский старинного названия Багдади. Думаю, в свое время это была дань уважения к нему народа, страны, а сейчас его как бы предали. Сам Маяковский никогда не изменял Грузии, ему была очень дорога и близка эта страна, он сам походил на грузина.

- А что, вам тоже близок грузинский характер?

- Да. Я независимая, прямолинейная, не люблю ложь. Я понимаю, что любое общество испытывает временные трудности, тем не менее грузинский характер очень дружелюбный, открытый, в нем заложено много интеллектуальной потенции.

- Хотели бы побывать в Грузии?

- Я очень хотела бы поехать в Грузию. Я даже получила официальное приглашение от члена грузинского парламента господина Лордкипанидзе. Но в тот период я гостила в России и уже должна была вернуться обратно в Америку, домой. Так что, несмотря на мое желание, поездка, к сожалению, пока не удалась...

- Есть ли в вашей семье что-нибудь из личных вещей Маяковского?

- Да, его рисунки, вернее шаржи. Оказывается, однажды родители поссорились и даже собирались расстаться, но Маяковский извинился и нарисовал, как мама мечет стрелы гнева в его беззащитную голову, а он раскаивается. На другом рисунке

Маяковский изобразил себя возле дома под номером 71, в нем жила мама. У него широко расставлены ноги, руки, и он как бы кулаками защищает Элли от назойливых богатых ухажеров в автомобилях. Мама тогда была так молода, ей только исполнилось 20 лет.

- Ваш отец назвал Нью-Йорк «городом Желтого Дьявола», вы согласны с его точкой зрения?

- За короткое время трудно понять этот город. Здесь действительно крутятся большие деньги, ведь он является всемирным финансовым центром. По мнению Маяковского, деньги делали исключительно капиталисты, а их он не любил.

Патриция очень гордится своим семейным архивом в 30 томов. Белые папки аккуратно хранятся в отдельной комнате, их на протяжении всей жизни кропотливо собирала ее мать, Елизавета Зиберт.

- А что в них находится?

- Абсолютно все, что она писала или получала, ее воспоминания, письма, документы, мама собирала их более полувека. Здесь имеется единственное письмо Маяковского, адресованное маме и датированное 26 октября 1928 года. Вот почитайте, пожалуйста: «Две милые, две родные Элли, я по вас уже соскучился, мечтаю приехать к вам еще хотя бы на неделю. Примите, обласкаете? Я жалею, что быстрота и случайность приезда не дала мне возможность раздуть себе щеки здоровьем, как вам бы нравилось. Надеюсь в Ницце

▲ **Дочь и внук Маяковского - Елена и Роджер**

вылосниться и предстать вам во всей улыбающейся красе. Целую вам все восемь лап. Ваш Вол.»

Когда мы встретились с отцом, мне было около трех лет. Мама рассказывала, что однажды я начала играть с его рукописями, за что она больно шлепнула меня. Маяковский очень расстроился и сказал, чтобы она никогда больше не била меня. Маму он называл большая Элли, меня маленькая Элли. Мое русское имя Елена, меня назвали так в честь моей крестницы. Мою бабушку тоже звали Хелен.

- А вы помните русский?

- Я говорила по-русски, но моя мать постепенно отдалила меня от русской среды. Когда мы встретили Маяковского в Ницце, я свободно общалась на русском, знала немецкий и французский. До пяти лет совсем не говорила на английском.

В уютной кухне оборудован угол для чтения, вместо стола встроена

широкая деревянная доска, на ней, помимо самовара, матрешек, фотографий и сувениров из России, умещается множество английских газет и журналов.

- День начинается здесь, читаю всю американскую прессу, отбираю публикации, посвященные России и Грузии. Ем два раза, иногда заказываю ужин из китайского ресторана, люблю греческий мед. Спать ложусь рано, читаю, размышляю. Думать - это мое хобби.

Она по-прежнему наделена любознательностью и пытливым умом. В квартире круглые сутки горит свет, включен телевизор. Елена Владимировна объясняет это желанием быть в курсе всего происходящего в мире.

- Вы думаете, я люблю телевизор? Ошибаетесь, я никогда не смотрю телепрограммы, я смотрю только новости, люблю быть информированной. Это чтобы не пропустить всемирный потоп, я ведь своими глазами видела, как самолет с террористами влетел в здание Всемирного торгового центра 11 сентября! (Она указывает на одну из фотографий). А это мой хороший друг и помощник, москвич Николай Алексеич Морев, именно он повез меня на родину матери, в Башкирию в 2002 году. Я видела дом деда, в нем разместились детский сад, меня там все очень радушно встречали.

- Какие чувства вы испытывали, впервые оказавшись в России?

- Я встала на колени и поцеловала русскую землю. Впервые я вернулась

в свой дом. Пошла на Новодевичье кладбище, чтобы поклониться могилам моего отца, бабушки и тетушек. Вся семья Маяковских погребена там. Я преследовала еще одну цель

- у меня был с собой привезенный из Америки прах матери. Я пришла на могилу Маяковского, взрыхла почву и поместила в ней часть ее праха, чтобы символически вернуть мать к тому, кого она любила всю жизнь.

- По-моему, тогда же вы повидали и Веронику Полонскую, возлюбленную Маяковского?

- Да, она оказалась на редкость красивой женщиной, даже в возрасте. Я поняла, почему отец любил ее. Я спросила госпожу Полонскую, почему в своей предсмертной записке Маяковский упомянул ее имя, а не наше с мамой. Она приложила руку к груди и сказала: «Он хотел защитить и меня, и вас». Я поняла: конечно, Маяковский не мог упомянуть нас из соображений безопасности, и потом эта записка, написанная за два или три дня до его внезапной гибели, тоже довольно подозрительна. Я не считаю, что он покончил с собой. Я не верю в это. Кстати, многие не верят. Полонская подарила мне небольшой бюст Маяковского, где он с сигарой. Она также поведала, что отец всегда носил у сердца подаренную мной авторучку, это стало для меня еще одним подтверждением, что я его дочь, а он мой отец. Помимо этого, в московском архиве, в записной книжке Маяковского я видела запись со словом «дочка». А вообще-то, мне достаточно только посмотреть на себя в зеркало (смеется).

- А как насчет таланта?

- Люди говорят, что у Маяковского был талант в каждом из десяти пальцев. Возможно, у меня способности только в пяти пальцах. Я, как и он, поступила в школу искусств в 17 лет, хотела быть художником, но этим невозможно прокормить себя, и пришлось выбирать другую профессию. Я стала изучать политическую науку и правосудие. Поступила в Колумбийский университет, на факультет международного права. Работала редактором в газете, в крупной издательской компании, потом сама стала автором.

- Я слышала, что вы написали книгу «Маяковский на Манхэттене». Думаю, из нее может получиться хороший фильм.

- Я хотела бы, чтобы моя книга послужила основой для балетного спектакля. Это очень эмоциональная история, языком музыки и хореографии можно было бы передать все переживания и чувства.

Нашу беседу прерывает звонок в дверь, в прихожей возникает фигура высокого мужчины лет сорока. Он застенчиво улыбается.

- Это мой сын, внук Маяковского, пришел, чтобы помочь разобраться с пищащей машинкой. Его зовут Роджер Шерман Томпсон, женат, адвокат по вопросам интеллектуальной собственности. Мы вместе ездили в Москву, и он пытался объяснить русским необходимость защиты интеллектуальной собственности, это сейчас очень важно. Я хотела усыновить ребенка в России, но из-за бюрократии

тических проволочек не удалось. Мы усыновили мальчика из Колумбии, его зовут Логан.

Три раза в неделю Елена Владимировна вызывает такси и едет в филиал Нью-Йоркского университета, в Лемановский колледж, читать курс по аспектам женского образования.

- Знаете, в древнегреческой мифологии был такой период, когда люди поклонялись девственной богине очага, домашней жизни и семьи, звали ее Гестия. Я подробно изучила Гестию и ее племянника Гермеса и пришла к выводу, что мы живем не в одной системе действий, а в двух. Первая - это родня, семья, круг близких, друзей, вторая - наша гражданственность, страна, политическое устройство. Обе эти системы уникальны и независимы. В ходе исследований мне удалось сформулировать теорию двойных систем. Политика всегда доминирует в обществе, но в моем понимании семья и круг друзей находятся на главном месте. Маяковский очень хотел иметь семью, но ее радостей не испытал. Я же, наоборот, хочу вкушать всю ее сладость.

С момента этой нашей встречи минуло более шести лет, я по-прежнему часто звоню и переписываюсь с Еленой Владимировной, мы вместе радуемся успехам ее внука Логана, который стал студентом колледжа и идет по стопам отца, собирается посвятить себя адвокатской карьере.

Она успела еще раз побывать в Москве в качестве почетного гостя

международной конференции «Соотечественники - потомки выдающихся россиян», где удостоилась памятной медали. Мы вместе переносим ее жизненные невзгоды и болезни. Недавно Елену Владимировну прооперировали, и ей предстоит еще одно хирургическое вмешательство. Приглашение на шестой русско-грузинский поэтический фестиваль в Грузии ее несказанно обрадовало.

- Мне уже 87 лет, но возраст не помеха, я бы с удовольствием поехала в Грузию, в Багдади, на празднование 120-летия со дня рождения отца, это так замечательно! К сожалению, не могу ослушаться врачей. Придется отложить поездку на год, думаю, доживу. Пожалуйста, передайте мою благодарность, привет и самые радужные пожелания всем участникам и гостям юбилейных торжеств, посвященных дню рождения моего отца. Я очень тронута вниманием «Русского клуба» в Грузии за персональное приглашение. Спасибо за память, за любовь и душевную щедрость.

ИСТОЧНИКИ

- Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 тт. М., 1955-1959
- Маяковская А. А. Детство и юность Владимира Маяковского: Из воспоминаний матери. М., 1970
- Маяковская Л. Пережитое. Из воспоминаний о Владимире Маяковском. Тб., 1957
- Бебутов Г. Ученические годы Владимира Маяковского (Кутаисская гимназия). Тб., 1955
- Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. М., 1990.
- Катанян В. А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
- Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. М., 1969.
- Михайлов Ал. Маяковский. М., 1988
- О Маяковском. Дни и встречи. Тб., 1963
- Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. М., 1969
- Чуковский К.И. Сочинения в 2-х тт. М., 1990
- Шкловский В.Б. О Маяковском. М., 1940

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ МАЯКОВСКИЙ	6
О МАЯКОВСКОМ	43
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАЯКОВСКОГО	52
МУЗЕЙНЫЙ ВОПРОС-ТО РЕШАЕТСЯ ПРОСТО	58
ДОЧЬ ПОЭТА	64
ИСТОЧНИКИ.....	74

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები, ხოლო XVII საუკუნის დასაწყისში რუსეთი გახდა იბერიის რელიგიური და დიპლომატიური მფარველი. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established, and in the beginning of the XVII century, Russia became the religious and diplomatic patron of the Iberian lands. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
**Я ХОЧУ БЫТЬ ПОНЯТ
МОЕЙ СТРАНОЙ**
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

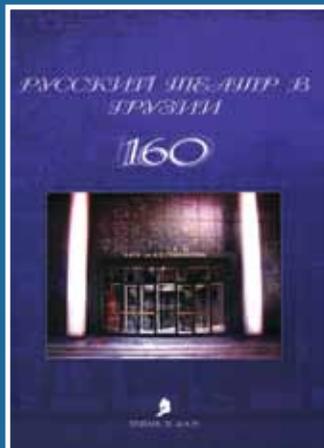
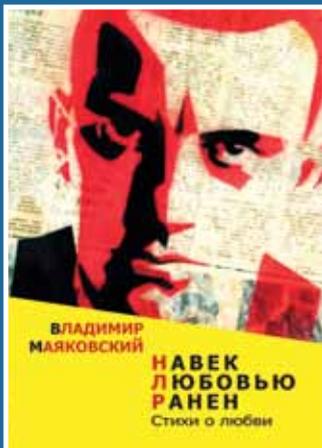
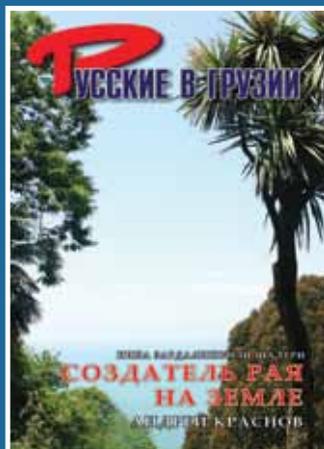
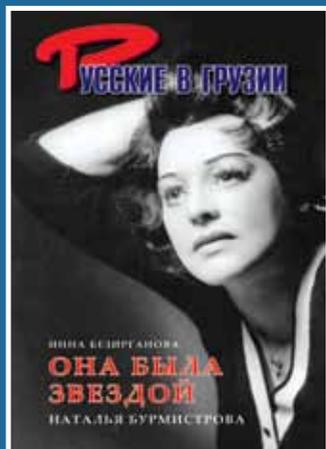
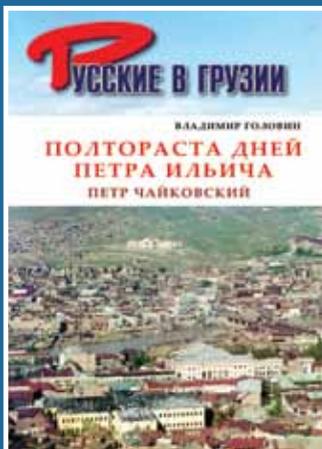
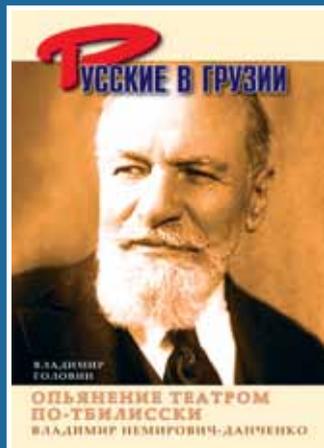
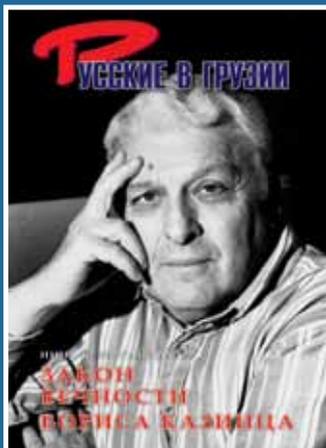
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

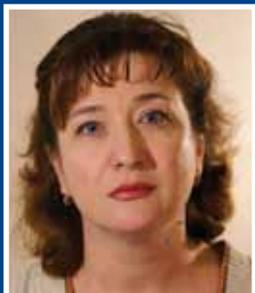
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

Часть текста данного издания была подготовлена при участии
профессоров Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили **Д.А. ТУХАРЕЛИ** и **М.Д. ТУХАРЕЛИ**

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Нина Зардалишвили-Шадури - филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редакционной коллегии общественно-художественного журнала «Русский клуб». Автор статей по теории литературы. Участник ряда международных научных конференций по русской филологии. Автор, редактор и составитель ряда художественных и научно-популярных изданий.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза - Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни - литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

